

НАЗАД В АФГАН. 30 ЛЕТ ОКОНЧАНИЮ ВОЙНЫ

БОЕЦ ДЕСАНТНОЙ БРИГАДЫ

Равиль БИКБАЕВ

Назад в Афган. 30 лет окончанию войны

Равиль Бикбаев

Боец десантной бригады

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бикбаев Р. Н.

Боец десантной бригады / Р. Н. Бикбаев — «Эксмо»,
2018 — (Назад в Афган. 30 лет окончанию войны)

ISBN 978-5-04-099645-2

«Шестое чувство» однажды спасло жизнь ему и его соратникам по десантной бригаде... • Эта книга – яркое, объемное восприятие афганской войны девятнадцатилетним парнем. Он видел ее из самого дна адского котла. Он пропустил ее через свое сердце – сердце еще совсем молодого, непорочного и наивного парня. • Многие офицеры в Афганистане вели дневники, чтобы не забыть детали. Солдатам это было запрещено особым отделом, и они могли надеяться только на свою память. Равиль был солдатом и запомнил всё. В мельчайших деталях. • Кровь и боль. Стоны раненых. Белые лица погибших. Слезы на глазах крепких и сильных мужиков. Испепеляющая жара. Потрескавшиеся от жажды губы. И... и глаза матери, которая дождалась его с войны живым... В учебном подразделении этот солдат пользовался репутацией разгильдяя. Но вот он попал в Афган – и все лишнее и показушное в его характере стало стремительно исчезать, уступая место по-настоящему волевым качествам. И в нем вдруг обнаружилась невероятная способность – интуитивно чувствовать врага. Он угадывал приближение «духов», когда даже опытные бойцы и дембеля не выказывали никакой тревоги. Роман вызывает острое желание верить. Верить или в Бога, или в чудо, или в боевое братство.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-099645-2

© Бикбаев Р. Н., 2018

© Эксмо, 2018

Содержание

Предисловие	7
Часть первая	8
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Равиль Бикбаев

Боец десантной бригады

© Бикбаев Р.Н., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Солдатам и офицерам 56-й гвардейской отдельной десантно-штурмовой бригады и в их числе моим товарищам – бойцам и командирам первого парашютно-десантного батальона посвящаю.

Предисловие

Сразу хочу оговориться: хотя приведенные здесь данные об операциях подлинные – это не документальная повесть. В книге даже не столько вымысел, сколько группирование разрозненных эпизодов в цельное повествование.

Если эту повесть прочитают ребята, которые служили вместе со мной, то, безусловно, они легко узнают всех героев этой книги. Многие из них живы и здоровы по сей день, и поэтому я меняю их имена, фамилии, звания.

И еще... Это была война, и мы все на ней были далеко не ангелами и совсем не образцовыми героями. Осталось только добавить, что эта повесть – не исповедь и мне не нужно отпущения грехов.

Часть первая

Афганистан. Провинция Кундуз. 1981 год от Рождества Христова. 1402 год по Хиджре – мусульманскому летоисчислению

А если что не так – не наше дело:
Как говорится, Родина велела!
Как просто быть ни в чем не виноватым
Совсем простым солдатом, солдатом...

Б. Окуджава

Выписка из боевого формуляра в/ч 44585¹

п/п	Время проведения	Привлекаемые подразделения	Район боевых действий	Примечания автора
20	26.09.1981 04. 10.1981 г.	1-й ПДБ*	Афганистан Файзабад	Боевые действия велись совместно с 860-м ОМСП**

– А-а-а, ма... ма..... мамочка, как больно! – истошным воплем заходится Семка Давыдов.

От испытываемой муки искривилось круглое мокрое от пота лицо: перебита артерия на ноге, хлещет из раны кровь и черными мокрыми пятнами расплзается по заплатам выцветшим штанам.

Не зови маму, солдат, не поможет она тебе, там, далеко, дома, молится она за тебя, нет тут твоей мамы, а есть мы, твои товарищи, и, наложив жгут поверх раны, колет тебе лежащий рядом санинструктор уже пятый тюбик промедола², но не снимает тот боль в раздробленной разрывной пулей дрожащей ноге; и ты, плача, кричишь:

– Мама! Мамочка... помоги!..

Афганистан. Горный массив под Файзабадом, третий день боевой операции, время где-то около полудня. Нашу выдвинувшуюся впереди батальона роту зажали в горах. Солнце светит вовсю, жара невыносимая, теней почти нет. Мы на горной тропе как на ладони, бей не хочу. У нас пятеро раненых, двое из них тяжелых. Отстреливаемся, да что толку, бьют по нам духи с господствующей высоты из пулеметов, укрыться почти негде, еще пару часов, и все... не будет больше нашей роты... все тут поляжем...

¹ Боевой формуляр 56-й отдельной десантно-штурмовой бригады – в/ч 44585. Документ, в котором отражены задачи, выполняемые воинской частью. В данной повести в формуляре указаны только те боевые действия, в которых участвовал первый парашютно-десантный батальон. Указанные операции входили в месячные планы, утвержденные командующим 40 А. Реализация разведывательных данных по согласованию со штабом 40 А, операции по сопровождению колонн, боевые выходы на внезапно возникающие задачи не отражены. * ПДБ – парашютно-десантный батальон. ** ОМСП – отдельный мотострелковый полк.

² Промедол – сильнодействующее обезболивающее средство. Один шприц-тюбик промедола входит в индивидуальную аптечку.

Не переставая, надсадно воет Семка, командир расчета АГС-17 «Пламя»³, и все трясется и трясется у него разбитая на мелкие косточки нога. А чуть дальше от него хрипит истекающий едким вонючим потом раненный в грудь Мишка Старков и просит:

– Воды, дайте воды!

Нет у нас воды. Давно уж выпили. Пустые фляжки. И тихонько уговаривает Леха лежащего за камнем раненого:

– Нельзя тебе, Миша, воды, потерпи.

– Да пошел ты на...! – орет весь посеревший от потери крови Мишка и задыхается от крика. Кровь пузырями пошла изо рта.

Я лежу от них в трех метрах, вжался в землю, за камнями голову прячу. Весело, тоненько посвистывают пульки. Слушая их посвист, машинально отмечаю: не моя, не моя. Год я уже служу в Афгане, вот и знаю, что свою пулю не услышишь. Раз посвистывает – значит, не моя. А чья?

– Твою мать! – слышу полное злобы и боли матерное ругательство. Оглядываюсь: ранен Сережка Ольжин.

– Куда тебя?

– В ногу, – хрипит Серега и тут же предупреждает: – Ты ко мне не лезь, сам перевяжу! – Сморщившись, советует: – Меняй позицию, пристрелялись к нам.

Сил нет слушать вопли и крики раненых: помочь-то ничем не можешь, даже вынести их нельзя. Встанешь, потащишь, тут же убьют, а позицию точно пора менять: помедлишь – подстрелят. Извиваясь, я быстро переползаю по горячим острым камням вперед к валуну. Рвется выпцветшее ветхое х/б, на лоскуты расползается. Ничего, будем живы – зашьем. За большим выщербленным камнем устанавливаю на сошках свой пулемет, прикидываю, куда стрелять. Наметил. Вот ты где! Вижу, вижу тебя, гаденыш, вон ты на противоположной горке за кучкой камней укрылся. Дзинь! Рядом со мной ударила в камень пуля. Выстрелил в меня дух и дальше стреляет. Фьють! Дзинь! Летят пущенные в мою сторону пули, видит меня дух и бьет по мне короткими очередями из пулемета. Мимо! Мимо! Ну а теперь ты, паскуда, держись... Прицел пятьсот, огонь! На тебе – жри, падла! Длинными очередями из своего РПКСа⁴ веду огонь. Досыта тебя, сука душманская, свинцом напою. Состязаемся с духом-пулеметчиком в смертной огневой игре. Ты меня хочешь убить? А я тебя! Огонь! Разрывая воздух, все посвистывают и посвистывают пульки. Не моя, не моя, по-прежнему краем сознания отмечаю я. Быстро вытер рукавом грязного х/б мокрое от соленого пота лицо. И опять: огонь! Я лучше стрелял – на военном полигоне в Гайджунае учился, а здесь, в Афгане, шлифовал свое стрелковое умение. Вот и загасил его. Да только не один он был, штук пять пулеметов по нам било, расстояние между горами метров пятьсот, для стрельбы из пулемета самая та дистанция, убойная. А тут еще и душманские снайперы подключились. Прямо скажем, хреновые снайперы, только ведут огонь все опаснее и опаснее, все ближе и ближе пульки ложатся. «Не моя, не моя, пока еще не моя»; брызгают в лицо каменные крошки: чуть не попал в меня снайпер, совсем рядышком с головой пуля ударила в камень. Грязной ладонью протираю запорошенные крохотными каменными крошками глаза и стреляю. Стреляю! Стреляю! Пока жив, буду стрелять. Летят выпущенные из моего пулемета пули. Прячутся за камни духи – и дробят, щербатят горные валуны мои пули. Ствол пулемета раскалился, плюнь – зашипит; я расстрелял уже три магазина, и всего-то за пару минут. И страха особого нет, и азарта нет, душа словно оцепенела, безразлично на все смотришь, только горло от жажды сохнет. Прицел! Ловлю в прорези прицела снайпера. Огонь! Бьет отдачей приклад пулемета, летят отстрелянные горячие гильзы. Мимо.

³ АГС-17 «Пламя» – 30-мм автоматический станковый гранатомет, скорострельность 350–400 выстрелов в минуту, оптический прицел имеет трехкратное увеличение. Площадь поражения одной гранаты (ВОГ-17М) – 9 кв. м.

⁴ РПКС-74 – ручной пулемет Калашникова, десантный вариант с откидным прикладом. Калибр – 5,45 мм. Емкость магазина, 45 патронов.

Прицел! Огонь! И в меня уже стреляют двое: снайпер и пулеметчик. А ведь убьют они меня, у этой парочки господствующая высота, лучшие заранее подготовленные укрытия, и долго мне не продержаться. Огонь! Впустую клацает затвор, нет патронов. Сменить магазин в пулемете и опять – огонь! Убьют так убьют, да и черт с ними, зато больше в караулы ходить не буду. Сверлят слух крики раненых, все свистят и свистят пульки, захлебываются ответным огнем автоматы и пулеметы расплзшихся по тропе бойцов второй роты. Недолго нам, братцы, жить осталось, ох и недолго...

– Ребята! Вертушки!!!

Голубое осеннее небо безоблачно. От яркого, жаркого, слепящего глаза афганского солнца летят три точки. Закладывая вираж, выходят на боевой разворот вертолеты «Ми-8», а мы красными сигнальными ракетами задаем им направление. Духи переносят огонь на вертушки, летят навстречу нашим пилотам огненные трассеры. Не бойтесь, ребята! Мы зажмуривать глаза и прятать за камни головы не будем, мы вас с земли огнем прикроем. Потом сочтемся.

Мы ведем по позициям духов безостановочный огонь, даже раненые, кто шевелиться мог, и те за оружие схватились, – не даем мы им, сукам, головы поднять, не даем сбить наших ребят.

С нашей позиции хорошо слышно, как с ревом моторов, рассекая винтами воздух, пикируют на духов вертушки. Первый заход – ракетами! От разрывов будто вскипает на огневых точках духов земля, летят взброс камни. Дрожит от разрывов чужая земля. Так их, братцы! Задайте им! Взмыли вверх машины, развернулись на второй заход и снова бьют из авиационных пушек и пулеметов. Будете знать, сучары душманские, как мы воевать умеем!

Спасибо, летуны! Спасибо вам, братцы! От всей роты спасибо! За то, что спасли вы нас, за то, что увидят матери своих сыновей. Не полегла в том бою наша рота – дальше пошла по горам.

А броня на вертушках была слабая, эту броню насквозь пуля из ДШК⁵ пробивала. Сбитые экипажи заживо горели в своих машинах, погребальными кострами догорали на земле. Не мед и у летчиков была служба.

Подавили вертолеты огневые точки. С камнями, с железом и огнем смешали позиции духов. Оставшиеся в живых моджахеды перебежками уходили от разрушенных укрытий. В прицеле хорошо видно, как, пригибаясь под нашим пулями, взброд бегут вооруженные, одетые в разномастные халаты люди. И падают, падают под нашим беспощадным снайперским огнем.

– Подрань-ка одного, нам «язык» нужен! – перекрывая грохот стрельбы, кричит мне лежащий рядом командир взвода лейтенант Петровский. Ожесточившееся от азарта, его загоревшее скуластое лицо скривилось, потрескались от жажды губы, и он, срывая пересохшие голосовые связки, опять кричит мне:

– «Языка» давай!

Я прицелился. Из штатного и такого родного РПКС-74 я стрелял лучше, чем из снайперской винтовки. Выстрелил одиночным. Потом короткой очередью. Цель поражена. Моджахед на бегу упал – пуля перебила ему ногу. К нему на помощь бросились два духа, – я тотчас отсек их очередями. Боец из моего взвода, рослый, наголо стриженный загорелый Филон, с автоматом наперевес матерым волчарой кинулся брат «языка», а я стал его прикрывать огнем. Филон ловко скрутил духа и на горбу, задыхаясь и матерясь, притащил к нам. Бой закончен. Остатки разгромленной душманской засады бежали. Кто не успел бежать, бесформенными грязными мешками лежат там, в горах, там, где они хотели убить нас. А мы, кто жив и не ранен, сгрудились вокруг афганца. У нас не лица, а искаженные злобой и напряжением минувшего боя

⁵ ДШК – пулемет Дегтярева – Шагина крупнокалиберный. По лицензии ДШК производился в КНР. ДШК в качестве тяжелого вооружения часто использовался отрядами душманов.

маски. Пленный, тяжело дыша, постанывал. Немолодой уже мужик. Кровью, грязным потным телом от него так воняло, что хоть нос зажимай. Нет у нас к нему жалости и милосердия тоже нет.

– Заткни пасть! – кричит духу мой друг, смуглый плотный узбек Леха, и жестким коротким ударом бьет прямо в бородатое искаженное болью и страхом лицо.

– Прекратить! – отталкивает Леху взводный, приказывает: – Перевязать и в штаб на допрос.

«Языку» быстро пережали самодельным, скрученным из засаленной зеленой чалмы жгутом рану (свой бинт из индивидуального пакета никто не дал – чего там, и так перебьется) и поволокли на допрос к командиру батальона. Я вызвался помогать Филону его нести. Тяжелый бабай⁶ попался, все постанывал да еще вертелся в руках.

– Кто его подстрелил? – рассматривая «языка», поинтересовался немолодой сухощавый майор, комбат.

Филон небрежно кивнул в мою сторону.

– Вернемся – к медали представлю, – пообещал мне комбат, усмехнулся: – На дембель героем поедешь.

Эх, майор! Ни хрена ты не понимаешь! Да зачем мне эта медаль нужна? Просто живым домой вернуться – и то счастье. А комбат уже отвернулся и через переводчика приступил к допросу. Командиру первого парашютно-десантного батальона майору Носторюлину уже за сорок. Для нас, восемнадцати-двадцатилетних пацанов, он уже старик. Только «батей» его никто не называл. Желчный был мужик, вредный. Карьера не задалась, в академию поступал, так три раза проваливался. Должность командира батальона и звание майора – это его потолок. Скоро его выпихнут на пенсию по достижении предельного возраста. Уволят, если в Афгане гробовой доской не накроется. Пуле плевать, в кого попадать, а душманские снайперы первым делом офицеров выцеливают. Пуля, она не дура, совсем не дура, особенно когда ее снайпер выпускает.

На допросе раненый моджахед молчал.

– В расход! – коротко приказал мне комбат.

Замер, глядя на пленного, переводчик, неопределенно хмыкнул, глядя на меня, начальник штаба батальона – плотный и невысокий кореец, капитан Эн; быстро повернулся ко мне спиной и стал копаться в полевой рации связист, отвел от пленного взгляд угрюмый Филон.

Я покачал головой: нет. Совесть и руки я на той войне не марал. Кровавого дерьма там и без того хватало.

– Так-с! Видно, я поторопился, обещая тебе награду, – с угрозой процеживая каждое слово, бросил комбат, и его небритое в потных разводах морщинистое лицо скривилось в недовольной гримасе. – По тебе не медаль, а дисбат плачет. Ничего, вот вернемся, я с тобой быстро разберусь.

И отдал ту же команду стоящему рядом с ним батальонному писарю, а писари иной раз тоже на операции ходили. Я отвернулся, прогремела короткая очередь. Аминь!

– Ну и дурак ты! – крайне недовольно заметил мне взводный, после того как я вернулся к своим. Пришедший вместе со мной Филон уже все ему рассказал.

Глядя, как на приземлившийся вертолет грузят наших убитых и раненых товарищей, Петровский жестко добавил:

– Слюнтяй! Это война! На ней свои законы!

– Я не слюнтяй, – упрямо возразил я, повысив голос, – раненых убивать – последнее дело. Перевязать и бросить его тут! И как дальше будет – не наше дело... местные потом подберут... Ты бы как поступил?

⁶ Бабай – буквально: дедушка. Бабай – на солдатском жаргоне – презрительная кличка душмана.

– Про дисбат это комбат, конечно, загнул, – ушел от ответа взводный, – но имей в виду: мужик он злопамятный. Все! Закружили эту тему.

И, обращаясь ко всем лежавшим на земле и слушающим наш разговор солдатам, коротко приказал:

– Все, окончен привал. Вперед!

Вот мы дальше по горам и поперли. Горка ваша, горка наша. Эх, твою мать! Марш-марш, десантура, вперед, первый «горнокопытный» парашютно-десантный батальон; шевели «копытами», вторая рота, шире шаг, третий взвод! Сколько нас осталось? В роте тридцать бойцов и три офицера, оружие: автоматы «АСК-74», пулеметы «РПКС» и «ПКМ», два АГС-17 «Пламя» и один 82-мм миномет. В моем третьем взводе только семеро бойцов: Витек, Филон, Баллон, Леха, Муха, я и командир взвода лейтенант Александр Петровский. Немного. Только все уже кто год, а кто полтора в Афгане отвоевал. Битые все – и службой, и войной. В Афгане день за три считают, а опытный и «битый» солдат десяток невоевавших пацанов легко заменит. Вперед, ребята, шире шаг!

Наш третий взвод идет передовой заставой. Головная походная застава – ГПЗ – это, по существу, батальонная разведка. Мы идем первыми. И убивают нас первыми. За ГПЗ двигаются первый и второй взводы второй роты, дальше, с интервалами, – еще две роты первого батальона. При первой роте еще и штаб батальона выдвигается: комбат, начальник штаба и взвод управления – связисты. Над нами постоянно барражирует вертолет. Он прикрывает и ведет воздушную разведку. Место нахождения баз противника установлено агентурной разведкой и подкорректировано полученными в ходе операции войсковыми разведданными. Это если культурненько, по военной терминологии выражаться, а если тоже по-военному, но попроще, то стукачи, что у духов служили, за деньги все их базы и сдали, а пленные, которых мы захватывали, в ходе активных допросов подтвердили: точно, базы находятся именно там, а еще и запасные есть, вот там-то и там-то. Не все языки на допросах молчали. Ликвидация опорных баз моджахедов и расположенных на них отрядов противника и есть цель проводимой операции.

Боевого опыта у нас хватало, и все – от комбата до распоследнего еле бредущего и гнущегося под грузом мин солдата из минометного расчета – прекрасно понимали, что это ерунда, а не операция. Так базы брать – что воду в решете носить. Духи, они же не дураки, у них половина полевых командиров – бывшие афганские офицеры, учившиеся в Союзе. Да тут и гением партизанской войны не надо быть. Все просто: за нашими подразделениями постоянно ведется визуальная разведка, из опорных баз они с момента начала нашей операции давным-давно ушли и мелкими группами рассредоточились в горах. По пути следования наших рот на горных тропах ставятся противопехотные мины, за минным заграждением – засада. И пламенный привет вам, десантники, от воинов-моджахедов. Если даже не подорвался на mine, то, пока разминируешь тропку, тебя из стрелкового оружия убьют. Пока все части подтянутся, пока начнется интенсивный огневой бой, духи уже испарились. Вот и вся, собственно, тактика ведения партизанских действий в горах. Тем более они свои горы знали, а мы нет. По картам да по тропкам шли в горах на авось. Была возможность по-другому действовать? Да, была! Ночная, почти незаметная, высадка с вертолетов небольшой, в двадцать-тридцать бойцов, группой, скрытное выдвижение к базе противника, обнаружение и распределение целей. И огонь! Их больше? Так давно известно: воюют не числом, а умением. Или на пути вероятного движения противника самим в засаду засесть. Умели мы так воевать? Да, умели, и неплохо. Не всегда духи в засады попадали, не всегда мы скрытно их базы брали, но уж когда получалось... то потерь у нас почти не было, а вот у них редко кто уходил. Почему эта операция по-другому проходила? И какого, спрашивается, черта, мы ростовыми мишенями в открытую днем перли по горам? Так ведь спланирована эта операция в штабе армии. Солидно спланирована, по военной науке. Главное, чтобы мотострелковые части, усиленные подразделениями десантников и

при массовой воздушной поддержке, разгромили части противника и уничтожили его базы. Потери? Ну так это война!

Ну что, третий десантный взвод, готов умирать? А почему мы?! А потому, товарищ солдат, что другие тоже жить хотят. Кому-то же надо идти первыми. А вы? Ну, что ж, ребята, судьба у вас такая. Слушай мою команду, третий взвод! В передовое охранение... шаго-ом марш!

Страшно было? Да не особенно, так, в пределах обычного. Всяких там умопомрачительных ужасов я не испытывал; легкий мандраж, правда, был. Потом, в восемнадцать-двадцать лет в свою смерть как-то не очень и верится, убивают всегда других. А когда придет твоя смерть, поздно уже будет бояться.

Ночью в горах мы остановились на привал. Дураков по ночам в чужих горах бродить нет. Окопались. Отрыл я хорошо отточенной малой саперной лопаткой окопчик для стрельбы лежа, застелил его плащ-накидкой, камешками бруствер обложил, вот и готово солдатское ложе – и для боя, и для отдыха. Распределили дежурства. Залито оружейным маслом и вычищено оружие, снаряжены пять пулеметных магазинов (у каждого емкость по сорок пять патронов). А жрать, ребята, так охота, аж желудок сводит! По горам набродились с рассвета, сухпай давно съели, да и тот-то дрянной был. Чего в него входило-то? Банка рыбных консервов «Минтай в масле» и пакет с черными сухарями. Разве это еда?

– Саша! – уже под утро, перед рассветом, окликаю я из своего окопчика командира взвода лейтенанта Петровского и канючу: – А можно я с ребятами в разведку схожу?

– Можно Машку за ляжку и козу на возу, – отвечает злой и такой же, как и мы, голодный офицер. Его окоп от моего всего в четырех метрах, можно разговаривать, не напрягая голос.

– Товарищ лейтенант! – меняю я тон и форму обращения. – Разрешите провести разведку местности?

– Да на кой вам это надо? – лениво интересуется невыспавшийся и продрогший за ночь Петровский. Ночью в горах холодно, а у нас у всех одно х/б. – Утром и так все увидим, я еще вечером все обсмотрел. Тут только одна тропа, по ней с утра и потопаем.

– Да жрать охота, а внизу кишлак, – напрямую говорит подползший к окопу взводного юркий маленький башкир Муха и, вздыхая, добавляет: – Курятинки бы сейчас покушать...

– И лепешек горячих, – глотая слюни, добавляю я.

– Может, халатов хоть каких добудем, – мечтает подошедший и присевший рядом со мной на корточках Леха и со злобой замечает: – Окочуримся мы тут в горах. Не жрамши, без теплой одежды, все передохнем.

– Приказываю вам, – дергая кадыком и с голодным блеском в глазах говорит лейтенант, – провести рекогносцировку местности.

– Чаво? Чаво? – наклонив голову и явно придуриваясь, спрашивает Муха.

– Рекогносцировка – это русифицированный термин немецкого слова *Rekognoszierung*, которое, в свою очередь, происходит от латинского слова *gescogno* – осматриваю, обследую, – терпеливо объясняет лейтенант Петровский.

Он увлекается – у него это бывает – и начинает сыпать терминами. Наверное, он так свое училище вспоминал; наша-то война на преподаваемую в училище тактику совсем не похожа. А может, он так о доме думал: он родом с Рязани, там же и военное училище окончил.

– Во! – обрадованно говорю я. – Вот мы и пойдем обследовать кишлак.

– Да пошли вы на хер, – устало говорит взводный; лицо у него после бессонной ночи и голода осунулось и посерело.

– Есть, товарищ лейтенант, – Муха дурашливо отдает воинскую честь, прикладывая правую ладонь к головному убору – выцветшей, с обвисшими полями, панаме. – Разрешите исполнять?

Мы идем по узкой тропке вниз, к теплу человеческого жилья, к жратве, к теплой одежде. Оружие готово к бою, сами все напряжены, нервная система вибрирует, а есть все сильнее хочется, и рассветная прохлада пробирает до костей. Дрожишь, десантник? Дрожу, честно говорю: зуб на зуб не попадает, только не от страха эта дрожь – от холода и голода. Пока шли, никого не встретили, повезло. Не нам, им повезло, потому как навскидку из пулемета я даже в темноте отлично стреляю.

А вот и первые окраинные глиняные домики кишлачка. Тянет от них дымком и запахом печеного хлеба. Печи у афганцев находятся во дворах. Скоро рассвет, и муэдзин призовет правоверных к утренней молитве. А пока женщины суетятся во дворах, выпекая лепешки, лают собаки и мычит да блеет скот в хлеву.

Раз! И, по одному перемахнув через высокий глиняный дувал, мы уже в чужом дворе. Две женщины в длинных темных одеждах, увидев нас, замерли. Лица такие испуганные. Одна постарше, а другая совсем молоденькая девчонка – лет пятнадцати, наверное.

– Нон⁷! – рычит голодный и чумазый Леха.

Та, что постарше, чуть помедлив, хватает с глиняного блюда стопку теплых лепешек и протягивает. Я осторожно подхожу, беру, будто вырываю из ее рук хлеб, и, встав к женщинам вполоборота, запикиваю его в свой РД⁸. Чувствую их страх, вижу, как ужас плещется в чужих черных глазах.

– Молчать! – тихо, властно командует им Леха и ведет стволом автомата от одной к другой.

Они прижались друг к другу и молчат, только все ошутимее становится исходящая от них тяжелая волна парализующего страха. Это они нас боятся, нас, вчерашних мальчиков, нас, нынешних солдат чужой им армии, «гяуров». Маленький юркий Муха степным матерым лисом стремительно ныряет в курятник. Негодуя, квохчут куры; быстро, ловко, как дубиной, орудует прикладом автомата жилистый и ловкий башкир. Через пару минут он выходит из курятника весь в перьях, в каждой руке по две птички, автомат в положении «на грудь». Руки должны быть свободны, а то вдруг еще стрелять придется, вот Муха привычно и подвязывает кур за ножки к своему поясному обтрепанному кожаному ремню. Оглядываемся, чтобы еще прихватить. Большой двор, богатый, есть чем поживиться. Из дома выходит пожилой плотный дехканин. Увидев нас, тоже замер. Лицо у него как омертвело и губы задрожали. А потом он медленно сошел со ступеней дома во двор, закрыл женщин своим телом.

– Никого не тронем, – тихо на узбекском языке пытается успокоить их Леха, – только еды немного возьмем.

– Не тронем, – повторяет Муха.

– Аллах акбар, – невесть зачем бормочу я единственно знакомые мне арабские слова, смотрю на пытающуюся скрыться за спиной мужчины испуганную девчонку, широко, глупо ей улыбаюсь и опускаю к земле ствол готового к бою ручного пулемета.

Муха и Леха шустро идут к выходу со двора. Я, стоя лицом к афганцам, их прикрываю; всяко бывает, могут и в спину долбануть.

Из-за спины дехканина быстро выходит девочка, приближается ко мне и боязливо протягивает большой кусок овечьего сыра, затем тут же юрк за спину афганца. Отец ее, наверно. Девочка, я же с оружием пришел в твой дом, я же... эх, да что там говорить. А ты? Зачем ты мне подала садака, милостыню, проявила милосердие? Я же солдат, мне воевать надо, а милосердных на войне первыми убивают. Мне двадцать лет, и меня уже давным-давно отучили плакать. Я и не плачу, просто в горло что-то попало, да дым из печки все идет и идет, и я ладонью быстро вытираю глаза.

⁷ Нон – хлеб (узб.). В Афганистане часть населения составляют этнические узбеки.

⁸ РД – ранец десантника.

... Через два часа наша рота будет прочесывать этот кишлак.

– Те самые? – кивая на дом, в котором мы побывали на рассвете, спросит командир взвода Сашка Петровский.

– Ага, – шмыгая простуженным носом, подтвердит Леха.

– Вы трое до конца прочесывания тут оставайтесь, – распорядится взводный и, в ниточку сжав губы, нехотя процедит: – Мало ли чего...

Мало ли чего? Да знаем мы чего! Прочесывание – это почти повальное мародерство, и не только. Достаточно найти любое оружие, горсть патронов или хоть что-то, отдаленно напоминающее взрывчатку, как... в общем, если очень повезет, то в плен возьмут. Только большие у нас были потери, почти не брали мы никого в плен. Вот так-то.

– Эта хибара уже проверена, – останавливаю я направляющуюся к дому группу солдат.

– А чего тогда тут стоите? – подозрительно спросит командовавший этой группой невысокий чернявый командир второго взвода старший лейтенант Галиев. Он Бакинское ВОКУ год как окончил. Наркот, мародер, но не трус и перед солдатней званием своим офицерским никогда не выделяется.

– Нам Петровский приказал, – угрюмо ответит привалившийся спиной к дувалу Муха.

– Губа не дура, – раздвинет в полуулыбке тонкие губы Галиев и станет разглядывать двухэтажное строение – домик-то богатый, есть чего взять.

Была у него повадка: если дом богатый и есть чего хапнуть, то подкинет Галиев патронов в сундук к хозяину, вот тот «духом» и станет. А дальше он со своими воинами действует по обстоятельствам, – или просто все разграбит, или и постреляет, чтобы некому было жаловаться. Через три дня старшего лейтенанта Галиева убьют в бою. За солдатскими спинами он не прятался, Бог ему судья. А пока...

– Лейтенант Петровский прикажет – возьмем! – Я посмотрю в упор в его смуглое потное лицо, прямо в темные глаза. – А ты его приказ не отменишь!

– Когда вернемся в часть, я с тобой поговорю, – грозит мне Галиев и уходит, его бойцы за ним.

... Но все это потом будет, а пока мы возвращаемся к своим. Разорвана на куски лепешка, жуем на ходу хлеб.

– Ложись, – шепчу я, одновременно делаю отмашку рукой: «Внимание, противник!»

Я шел передовым, зрение у меня хорошее, реакция отличная, стреляю прилично, обут в кроссовки, шаг почти бесшумный, вот и двигаю вперед. Остальные идут сзади, готовые прикрыть огнем, и соблюдают дистанцию пять-шесть метров, уступом, чтобы не перекрывать друг другу линию огня. Старались двигаться, как положено, насколько позволяла ширина тропы. Почти одновременно неслышно падаем на камни. Не увидеть нас на рассвете, а шли мы тихо и осторожно.

– Что? – тихонечко спрашивает, подползая, Муха.

– Духи тропу минируют...

Четверо вперед в земле возятся, мины закладывают. Дурачье! Это кто ж, не выставив охранения, такими делами занимается? Мы ж вас враз парой очередей положим.

– Не стреляй! – шепчет мне в ухо подползший Леха.

– Это еще почему? – шипит ему Муха.

– Халаты на них попортишь, – шепотом объясняет Леха, – нам же их потом носить.

Верно, Леха; в дырявых, пробитых пулями халатах ходить неохота, да и кровью их замаешь, хоть и чужая эта кровь, а все равно неприятно, да и неопрятно. Оружие у духов – у одного за спиной автомат; остальные так вообще свои винтовки на землю побросали. Ну и идиоты! Это кто ж так воет?

По одному переползаем вперед по-пластунски. Вот уже где-то десять метров до духов осталось. Отлично слышны голоса, и даже запах их чувствуется. Чужой запах, чем он от нашего

отличается – не поймешь, а все равно чувствуешь – чужой. А вот теперь пора! Огонь! Леха стреляет из автомата поверх голов духов, я им под ноги пуляю и стараюсь не попасть в мины. Муха боится, кто за оружие схватится – уж того он враз уложит, насмерть. Носом землю роют грозные моджахеды, никто за стволами не потянулся, растерялись. Взяли их тепленькими. Подошли. Без всяких там рукопашных изысков пинками подняли. По одному обыскали. Испуганные серовато-смугловатые лица, дрожащие руки, покорно-послушные движения. Вот вы и в плену, дорогие! Мордой к стенке, ноги врозь.

Построили их у отвесной горки. Леха их под прицелом держит; мы с Мухой мины рассматриваем. Пластиковые, нажимного действия, противопехотные. Производство: Италия. Знакомые штуки, подлые. Миноискатель их не обнаружит; наступил ногой на взрыватель мины, секунда – и ты уже на небесах. Но на любой газ есть противогаз. Научились и с ними бороться. Есть у саперов дедовское приспособление: щуп. Это обычная длинная палка с воткнутым в конец заостренным металлическим стрижнем. Когда по подозрительному участку идешь, то тыкаешь ею перед собой, как слепой тросточкой. Щупом мину обнаружишь, а там или отходи и расстреливай ее, или выкручивай взрыватель. Есть и другой способ...

– Бегом! – приказывает уже лишенным халатов пленным Леха и показывает на заминированный участок. Те машут руками и быстро, быстро что-то там Лехе объясняют, тот в ответ только злобно скалится:

– Бегом марш!

И под ноги им стреляет. Духи запрыгали, как затанцевали. Что ж, по-военному это вполне справедливо: они нас взорвать хотели, вот пусть теперь и разминируют, как могут, или, вернее, как мы им прикажем.

– Отставить! – издали ревет ротный. Я вздрагиваю.

Ну надо же, а мы и не заметили, как он подошел; до наших постов еще метров пятьсот оставалось, в их сторону мы и не смотрели. За двести метров от нас стоит ротный, рядом с ним два бойца из первого взвода и наш взводный лейтенант Петровский.

– Товарищ капитан, – в ответ на его окрик докладывает Муха, – тропа заминирована! Сюда нельзя.

– А то бы я сам не догадался, – иронизирует, понижая голос, капитан Акосов и приказывает: – Мины обезвредить, пленных привести живыми. Выполнять!

Ладно, обезвредить так обезвредить, мы и эти дела умеем делать. Осторожненько, плавными движениями пальцев против часовой стрелки вывернул взрыватель, затем вытащил из земли пластиковый, начиненный взрывчаткой, корпус – вот и все. В принципе, если умеешь, то ничего страшного нет. Десять штук вытащили. Больше нет, показывает жестом душманский минер. Ясное дело, нет; во-первых, мы все осмотрели хорошо, а во-вторых... если кто из наших подорвется, то тебя, душман, тут же на куски. А жить ты хочешь – вон, порозовел даже, как понял, что не бежать тебе кросс по минному полю.

– Ну, и чего вы там делали? – хмуро спрашивает нас после разминирования подошедший ротный.

Здоровенный мужчина, весь такой кряжистый, одет в хорошо подогнанную хлопчатобумажную полевую форму, края надвинутой на лоб панамы на манер ковбойской шляпы вверх чуть завернуты, в легкие гражданские низкокаблучные туфли. Туфельки чешские, в них легко ходить в горах, а на соблюдение уставной формы одежды всем в Афгане уже давно наплевать.

Память у меня от природы хорошая, тексты легко запоминаю, наглости хоть отбавляй, вот и без улыбки, глядя в карие, недовольно сузившиеся глаза ротного, объясняю:

– Мы на рекогносцировку ходили. Рекогносцировка – русифицированный термин немецкого слова *Rekognoszierung*, которое, в свою очередь, происходит от латинского слова *recognosco*...

– Ты! *Rekognoszierung*, – намеренно утрируя немецкий акцент, спрашивает капитан и сильнее щурит глаза, показывая рукой на наш груз: – А это что такое?

У меня РД от лепешек пухлый. А пахнет от него не толом или ружейным маслом, а свежим хлебом. Прямо в расширенные ноздри голодного офицера плывет хлебный аромат. У Мухи из РД крылья куриные видны, у Лехи там тоже две курицы запиханы, а еще у каждого к рюкзаку приторочены трофейные халаты.

– Товарищ капитан, – прямо до посинения обижается Муха, – как вы только могли подумать, что с вами не поделитесь?

– Пять минут, и все будет готово, – белозубо улыбаясь, заверяет Леха.

– А пока вот, – я достаю из РД и протягиваю офицеру мягкую свежее испеченную лепешку, – заморите червячка.

– Ладно уж, – цедит капитан Акосов, берет хлеб, ест и, еще не прожевав кусок, невнятно обещает: – Пожалею вас, убогих.

И обращается к сопровождающим его бойцам:

– Пленных на допрос...

Допрос, вопрос и прочая военная лабуда нас меньше всего интересуют. А вот как курочку приготовить, да еще и в горах, да без костра, и все это за пять минут – вот это серьезный вопрос, самый насущный на данный момент. Но для нас он не проблема. То, что часть почвы из глины, мы, еще когда окопчики отрывали, приметили. Курочка потрошится ножичком, обмазывается мокрой глиной и... достается входящий в боевой комплект пирофакел, он же сигнальный огонь. Курочка им как в жаровне обрабатывается. Температура и скорость горения у пирофакела высокие, как и обещали: пять минут – и птица готова к употреблению. Во как! Согласитесь, мы достойные потомки того солдата, что кашу из топора варил. Да, жрать захочешь – всему научишься и по-всякому исхитришься. Вместе с глиной и перья куриные отваливаются; кушать подано, жрите, товарищи солдаты. С одной стороны курочка пережарена и почти обуглена, а с другой сыровата? Ничего, и такая за деликатес сойдет. Руками рвем птицу на куски и едим. Только жир течет по губам. Что такое для голодных молодых здоровенных лбов три курицы? Одну-то мы сразу, как только приготовили, ротному отослали. Маловато будет, так еще и лепешки есть да сыр овечий. Подзаправились – не досыта, конечно, но пока хватит. Надеваю трофейный халат, согреваюсь. Готов к дальнейшему прохождению службы.

«Товарищи солдаты! – лежа с закрытыми глазами, вспоминаю я, как читает лекции выхваленный в новеньком, отлично подогнанном обмундировании молодой подполковник из политотдела округа. – Здесь, в Афганистане, вы в первую очередь защищаете южные рубежи нашей Родины!»

Дело было весной. Согнали нас на лекцию, а мы только из очередной операции пришли, толком еще не отдохнули. На хрен нам эта лекция нужна, но слушаем. Голос у подполковника громкий, а уши не заткнешь. От скуки смотрю по сторонам. Вижу, знакомый боец из комендантского взвода бежит мимо нас: туда – на склад, сюда – в штаб бригады. Туда-сюда. В руках у него вместительный общевойсковой вещмешок; со склада несется – мешок пухлый, из штаба бежит – мешок обвисший. Солдат я опытный и всегда готов к бою: «А где бы чего пожрать урвать?» Делаю вид, что покидаю лекцию по великой и неотложной нужде. Недовольно смотрит на меня политработник, я ручкой животик потираю и гримасу строю жалостливую, извиняющуюся, типа того: «Рад бы вас и дальше слушать, товарищ комиссар, да вот ведь какая незадача, животик заболел, в сортир надо». Вышел, притаился за палатками и комендантскую службу ловлю. Бежит со склада, милый, с полным мешком.

– Стой! – я хватаю парня за руки.

Останавливается и, придерживая за лямки вещмешок, растерянно смотрит на меня. Невысокий обгоревший под весенним солнцем солдат.

– Да ты чего? Сдурел?!

Для нас, бойцов строевых рот, комендантский взвод – это второй сорт, «чмо», одним словом, и отношение к нему полупрезрительное.

– Делись! – злобно и уверенно рявкаю я и киваю на мешок.

Знает «герой» из комендантского взвода: не поделится, то, когда заступит наша рота в караул по охране штаба, так в эту же ночь его подловят и так по шее дадут – мало не покажется. А виновных-то и не найдут. Помнит «герой» и такой случай. Ловили мы один раз писарьку штабного, заподлянку он одному парню устроил. А писарь, как только наша рота в караул заступает, так ночью носа из своей палатки не высовывает. А мы ночью закидываем в окошко палатки дымовую шашку. Дым валит, и писарь, разевая рот, из палатки в одних трусах вываливается, а тут его уже ждут. Всего-то минута делов, и была рожа у писаря холено-розовая, а стала красно-синяя. А еще через пару деньков его к нам в роту переводят служить. Наша вторая, она как штрафная была: всех залетчиков из бригады в нее спихивали, а наш ротный всех в чувство приводил, каждого залетчика по-военному обучал любить Родину и службу. Медленно, спотыкаясь, идет к нам писарь, а сам голову понурил и по ходу движения тяжело так вздыхает. Не дрейфь, солдат! У нас зря еще никого не били. Ты ж теперь из наших будешь, ты таперича боец первого взвода второй роты. Милости просим в горы, под пули, там посмотрим, чего ты стоишь, а уж потом и решим... И что бы вы думали? Нормальный парень оказался, в горах не ныл, в бою не трусил, товарищей не закладывал. И польза всей роте от него большая была. Он же все ходы-выходы в штабе бригады знал, и дружки у него там остались. Как к нам внеплановая проверка из штаба идет, так и офицеры, и солдаты о ней уж заранее знают. Прозвище этому экс-писарю соответствующее дали: «Разведчик». А что, вполне подходит: он как наш резидент при штабе бригады был и агентуру там свою имел. Одно слово: «Разведчик».

– Делись! – повторяю я комендантскому воину и тяну на себя лямки мешка.

– Это из личных запасов комбрига, – сопротивляется «герой» – комендач.

Хоть и боится он, но твердо защищает личную собственность командира бригады подполковника Карнаухова, проявляя при этом личное мужество и героизм.

– Ты понимаешь, – сбивчиво начинает объяснять он, крепко сжимая лямки мешка, – эти мудиры из округа, как прибыли, так уже второй день жрут и пьют как свиньи, все наличную водку выпили; вот комбриг и приказал НЗ санчасти раскупорить, у них там литр медицинского спирта на крайний случай остался. А эти суки еще барахла требуют им достать, разведроту уже на операцию отправили...

– Ну раз такое дело, – отступаю я, – то лети.

Возвращаюсь на лекцию и слышу, как продолжает работать языком политработник:

– Выше держите знамя советского интернационализма, как зеницу ока храните честь воина-десантника! Помните: по вас будут судить обо всем нашем народе...

От отвращения закрываю глаза. Хоть не видеть эту мразь. Сука! А если кто из ребят разведроты, добывая тебе барахло, погибнет, тогда как? А скольких афганцев они убьют?

...Слышу негромкий голос лейтенанта Петровского: «Подъем, ребята». Я открываю глаза. Хватит воспоминаниям предаваться, все уже собираются.

Подъем, третий взвод; вперед, вторая рота, пора выдвигаться. Слушай команду, первый батальон: «Идите защищать в чужой стране южные рубежи нашей Родины». При этом приказано нам: «Выше держать знамя советского интернационализма; как зеницу ока хранить честь воина-десантника».

Вот только не надо судить по нас обо всем нашем народе.

– Смотри! – легко толкает меня плечом стоящий рядом Муха и заливается булькающим смехом: – А наши-то минометчики...

Оборачиваюсь и легонько пожимаю плечами: эка невидаль, самое обычное дело. Наши минометчики пленных духов в Советскую Армию призвали. Из нашей роты из четырех минометных расчетов только один с нами в операции участвовал. Видать, на допросе духи до жопы

раскололись, вот их в «сады для праведных» и не отправили. И послали их не к «чудным девам, жемчугу подобным», а к усталой грязной солдатне, таскать по горам минометы. Да, товарищи духи, таскаться с минометом по горам – это вам не в райских садах с полногрудыми девами вступать в интимные отношения. Вот теперь и запомните, что такое миномет. А еще и лотки с минами, которые вам тащить придется. А коварные и довольные «гяуры» – минометчики налегке рядом с вами пойдут. Только прицел миномета вам тащить не доверят – его командир расчета сам понесет, невелика тяжесть.

– Мы, значит, их взяли, – показывает пальцем в сторону пленных подошедший к нам Леха, от возмущения и обиды весь красный. – А как их использовать, так другим?!

– Да пошли они все на... – кричу я и тоже чувствую, как закипаю от обиды и несправедливости. – Скидывай РД, ребята!

Разом скинули РД – а там, кроме боеприпасов и всякой прочей военной дребедени и амуниции, у каждого по две мины к ротному миномету. Чтобы минометный расчет разгрузить, каждому бойцу из роты еще перед началом операции по две мины всучили. Такая мина тоже, между прочим, не легкая штука, а в горах каждый лишний грамм тонной давит.

Перед началом марша идем отдавать мины минометчикам, те такое добро ни в какую брать не хотят. Сначала переругиваемся:

– Возьми свою херню! – требую я и протягиваю мину.

– Да на хрена она мне нужна? – искренне недоумевая, отказывается и.о. командира четвертого минометного взвода, чернявый плотный старший сержант Жук и заводит руки за спину.

– Возьми, сука, – наседаю я, – а то хуже будет!

– Ой! Испугал! – презрительно отвечает здоровенный Жук и ехидно улыбается.

– Ну ты и гад, – изумляюсь я его наглости.

– Да я тебя... – рычит Жук и, наступая на меня, сжимает кулаки.

Дело до драки не доходит. Услышав перебранку, командир роты с ленцой подходит к нам, ковыряя пальцем в зубах. Сожрал уже принесенную нами курятину, довольно отмечая я. Капитан Акосов, невозмутимо продолжая ковыряться в зубах, слушает обе стороны. Он русский человек, а вот решение выносит чисто еврейское; ну, прямо соломоново решение! Сплюнув застрявшее в зубах мясо, он закуривает и преспокойненько заявляет:

– Сами разбирайтесь. – Выпускает из легких сигаретный дымок и, широко улыбаясь, уточняет: – Или мины у третьего взвода остаются – тогда и пленные им под охрану переходят; или минометчики свои боеприпасы забирают, а им в помощь мы афганских добровольцев передаем.

Стоя чуть поодаль и примеряя походные ремни минометного ствола, лафета и плиты, поглядывают на нас бывшие душманы, а теперь разом перевоспитанные и призванные в Советскую Армию «добровольцы». Что они там про нас думают?

– Давай мины сюда, – с лютой злобой соглашается принять боеприпасы Жук.

– Эй, вы! – издали наблюдая за нами, кричит лейтенант Петровский. – Разобрались? А теперь в ГПЗ бего-ом марш!

Наш взвод в колонну по одному идет по тропе. Я первый, за мной Саша Петровский, дальше с интервалами остальные.

– Хорошо, что хоть женился, – слышу, как тихо говорит идущий за мной взводный.

На ходу оборачиваюсь. С кем это Сашка там разговаривает? Ни с кем, с собой он говорит, а может, в мыслях с оставшейся в Союзе молодой женой беседует. Теперь ее молитвы к материнским присоединятся. Теперь, лейтенант, уже двое будут просить Бога, чтобы ты вернулся домой живым.

– Ты это о чем, Саша? – спрашиваю я.

Когда других офицеров рядом не было, Петровского старослужащие солдаты звали по имени. Высокому, широкоплечему, с отличной строевой выправкой, Александру Петровскому двадцать два года, он сразу после военного училища летом восьмидесятого в Афган загремел. Нам, его подчиненным, по двадцать лет – одно поколение, почти сверстники. И воюем вместе уже год.

– Вперед смотри! – обрывает меня Петровский. – И не хер подслушивать.

– А я и не подслушиваю, – отвернувшись, ухмыляюсь я и насмешливо добавляю: – Я, товарищ лейтенант, влет стараюсь офицерские команды ловить, вот слух и напрягаю.

– Ты эти сказки при очередном залете другим рассказывай, – крайне желчно и недовольно отвечает взводный.

Не верит он мне. И правильно делает. Чтобы я да влет команды ловил? Нашли ловца! Кабы я таким не был, уж небось на третьем курсе института учился бы. А хорошо небось сейчас дома. Эх, сейчас бы пельмешек со сметаной навернуть! Мечтаю, а сам вдаль и по сторонам поглядываю.

– Ложись! – ору я и сам падаю. Рассекая воздух, вжикнули пульки, и ударил по ушам звук пулеметной очереди. Надо мной прошли пули-то...

Отползаю к укрытию, по вспышкам и чутьем определяю позицию противника и стреляю. Первая очередь длинная, последующие прицельные, короткие, на три-четыре патрона. В магазине моего пулемета патроны через два на третий уложены: два простых заряда, третий – трассирующий. По трассам бойцы передовой заставы определяют, где находится обстрелявший нас пулеметчик, и туда же начнут стрелять. Не поднять ему головы. Он и не поднимает – или позицию сменил, или совсем ушел. В общем, хрен его знает, но точно не убит. Почему так определил? Да не знаю я. Чувствуешь такие вещи, вот и все. Потерь у нас нет. Постреляли, полежали, отдохнули, встали по одному и дальше вперед пошли. Не до ночи же здесь сидеть. Так и до дембеля пролежать можно; хорошо бы, конечно, да кто ж тебе даст...

Вот так до вечера и маршировали. В нас постреляют, мы постреляем, подождем, послушаем и дальше двинемся. На тропах обнаружили еще с пяток противопехотных мин. Рисковать и вытаскивать взрыватели не стали: отошли на безопасное расстояние и расстреляли их из автоматов и пулеметов. За день больше потерь нет, и слава богу. Как чуток стемнело, нам на вертолетах подвезли еду в термосах и боеприпасы. День закончен, окопы отрыли, камешками бойницы обложили, можно и отдыхать.

Только-только приготовились посменно покемарить, как с соседней горки в нас стрелять стали. Видимо, духи хотели показать, что туточки они и никуда не делись. Толку от их стрельбы – ноль. Расстояние между нашими горками по прямой метров девятьсот было, прицельно в наступающей темноте не постреляешь. Неприцельная шальная пуля сохраняет убойную силу, но от таких попаданий окоп хорошо защищает. Мы, конечно, ведем ответный огонь, но так, для порядка, без азарта, и все мимо. А вот наши минометчики перестрелке обрадовались. Быстро установили в подходящей ложбинке миномет и давай мину за миной кидать. На другой горке, где засел противник, видны разрывы, оттуда духи тоже усиливают огонь. Мы, в свою очередь, пуляем из стрелкового оружия. Летят очереди трассирующих пуль, гремят взрывы. Все почти как в кино: красиво, зрелищно, бестолково. Духи тоже в укрытиях сидят; от мины будет толк только в случае прямого попадания, наши же пули уже не в цель летят, а лишь заданное направление соблюдают. А минометчики все не унимаются, все кидают мины. Думаете, горят желанием в бою поучаствовать, свою лихость и воинскую выучку продемонстрировать? Как бы не так! Они за истекший день мины свои не расстреляли, а тут им новые привезли. А куда их девать? Так просто не выкинешь, лишнюю тяжесть тащить неохота, а тут такой удачный случай от этого добра избавиться. Расчет, к бою! Прицел девятьсот! Беглым огонь, огонь!

Я расстрелял из пулемета один магазин, – все надоело, и без того за день до тошноты настрелялся. Скукотища, из окопа не вылезешь, может шальная пуля зацепить; в окопе тоска, а тут еще сигареты закончились – а курить охота, аж уши пухнут. Кричу я Лехе, другу своему, чтобы он кинул мне сигареты. Он пачку кидает, но она до моего окопа метров пять не долетает. Стрельба вроде поутихла, я змейкой из окопа за сигаретами и пополз. Только руку за пачкой протянул – бац, шальная пуля мне в кисть руки попала. Кровь потекла, а боли нет. Я обратно мигом в свой окоп кинулся, осматриваю боевую рану, волнуясь. Бинт наслюнявил, ранку обтер и успокоился – пулька только кожу содрала. Вот тут я себе клятвенно пообещал бросить курить. Кровь сочиться перестала, а уши все пухнут и пухнут; второй раз за пачкой сигарет пополз, достал, вернулся, со вкусом закурил, а про клятву и ранку забыл.

Ночь, обеим сторонам пулять друг в друга надоело, перестрелка затихла. Заворачиваюсь в теплый и грязный трофейный халат. На ногах у меня надеты шерстяные машинной вязки носки, обут в кроссовки. Согрелся. Благодать.

У всех солдат и офицеров батальона носочки нитяные⁹, а вот у меня шерстяные. Свистнул я их у летчиков. Неделю назад проходил мимо модуля, где живут офицеры вертолетного полка, а там у сборного домика бельишко и летная форма на веревках сушится. Ну прямо как в деревне. Оглядываюсь – нет никого. Раз – с веревки еще влажные носки снимаю; два – прячу их в карманы и не торопясь скрываюсь с места преступления. Простите, неизвестный мне товарищ офицер, но вам новые выдадут, а у меня в ваших носочках и в жару ноги преть не будут, и в холод согреются. Кабы нам это добро выдавали, в жизни не стал бы я чужие носки носить.

Тепло в шерстяных носочках и в трофейном халате – за день-то намаялся по горам ползать, да прошлую ночь почти не спал, а тут одно слово: благодать. Пока моя смена не начнется, хоть вздремну. Глаза закрываются, и снится мне, братцы, странный сон.

Сию я в светлом классе родной школы № 25 на контрольной работе по алгебре. Мой классный руководитель Зоя Петровна Орлова ходит между рядами парт, следит, чтобы никто не списывал. А я-то тему не знаю, зато есть у меня шпаргалка. Только классная отвернется, я давай списывать; она в мою сторону повернется, я прячу шпору и в раздумьях над алгебраическими символами морщу лоб. Но давно работает Зоя Петровна учителем, ловит она меня со шпаргалкой и торжествующе хриповатым голосом начальника штаба батальона капитана Эн заявляет: «Вот, посмотрите, дети, из кого никогда настоящий разведчик не получится!» Осуждающе смотрят на меня дети, только это не одноклассники, а сослуживцы по Гайджунайской учебке.

– Марш к доске! – по-военному требует педагог Орлова и трясет меня за плечо.

Смотрю на тему, написанную мелом на классной доске, и обмираю: «Действия десантного отделения в тылу противника». Думаю: «Ну ни фиги себе! Ну и тему на контрольной по алгебре нам задали!» А еще мне ничуть не стыдно, что я попался. Я даже рад, что ничего не знаю, а стало быть, в разведку мне идти не надо.

– Да ну вас на хрен с вашей разведкой, – говорю я классной руководительнице. – Я лучше посплю!

– Встать, хам! – кричит мне Орлова теперь уже командным басом капитана Акосова.

– Не моя смена, – отнекиваюсь я.

– Я тебе сейчас такую смену покажу! – вопит Зоя Петровна и больно бьет меня толстой указкой по ногам.

Только я ей хочу сказать, что негоже советскому педагогу бить детей, как получаю второй удар по ногам и раскрываю глаза.

У моего окопа стоит капитан Эн и заносит ногу для очередного удара.

– За что, товарищ капитан? – быстро вскочив, спрашиваю я.

⁹ В состав летней полевой формы входили ботинки, к ним выдавалась одна пара носков – одна пара на шесть месяцев.

– За то, – опуская ногу, серьезно, без улыбки, объясняет Эн, – что не чуешь ты, солдат, подхода начальника и даже во сне дерзишь командирам.

– Так вот, значит, ты какие сны видишь! – негодует ротный. – Вот ты о чем во сне мечтаешь? Как бы офицера с его приказами на хрен послать?!

– Мне, товарищ капитан, снилось, – спросонья начинаю оправдываться я, – что взяли меня враги и пытаются: где прячет НЗ капитан Аков? Признавайся! А то расстреляем. А я в ответ их гордо так на хрен посылаю.

– И где же прячет НЗ твой ротный? – сощурившись, ласково интересуется Эн.

– Вы не враг, товарищ капитан, – глядя на начальника штаба батальона честными сонно-неумытыми глазами, отвечаю я, – и потому вам скажу. – Я намеренно делаю паузу и вижу, как багровеет ротный, который хранит фляжку с водкой в РД, который носит за ним каптер, и с уверенной наглостью завершаю ответ: – Свой НЗ – последний патрон – командир роты хранит в стволе пистолета.

Это прозвучало как насмешка. Офицеры у нас на операции пистолеты с собой не брали – ну его, тяжесть такую, на пояс носить; да и толку от него в бою нет никакого, все с автоматами ходили. И одевались так, что в снайперский прицел солдата от офицера не отличишь. Форма у них, конечно, почище да поновее, а так – солдат, он и есть солдат...

– Да... – задумчиво так говорит Эн. – А лейтенант Петровский был прав.

В чем был прав Саша Петровский, он не объясняет, зато объясняет, какого это хрена меня разбудили среди ночи, за час до начала смены.

– Берешь двух бойцов, дадим тебе еще и связиста с рацией – и вперед, милый, в разведку. Проведешь рекогносцировку местности, установишь, есть ли необозначенные на карте тропы, обнаружишь огневые точки противника – и обо всем доложишь по рации. Потом выберешь позицию по своему усмотрению и прикроешь утреннее выдвижение своей роты, а то нас посекут с пулеметов. Понял?

– А почему я? – спрашиваю угрюмо.

Такое задание мне совсем не улыбается. Можно так нарваться, что и «мама» сказать не успеешь, как на небеса отправишься. А я совсем не герой. Хочу увильнуть, вот и придумываю:

– Товарищ капитан, да как я в темноте-то тропы найду? А передать ориентиры как? Я ж топографию совсем не знаю, – жалобно бормочу я и решительно заканчиваю. – Боюсь подвести вас, не справлюсь.

– Не бойся, справишься, а не справишься – так по шее от всего личного состава получишь, – утешает меня, щуя узкие очи, Эн и зловеще-ласково добавляет: – Понимаешь, солдат, верим мы тебе. Знаем, что если придет беда, то не скажешь ты духам, где советские офицеры НЗ прячут.

– А еще ты слова умные знаешь, – предельно серьезным тоном подкалывает ротный, – «рекогносцировка» и «топография»; остальные-то все больше на хрен да за хрен говорят.

И сразу резко повышая голос, не терпящим возражения командным тоном капитан Аков приказывает:

– Все понял? Вот и вперед!

Приказ есть приказ, был бы умнее – дураком бы остался.

– Нет, ну почему опять я? – возмущенно спрашиваю я пришедшего проводить меня взводного.

Собираю РД, снаряжаю дополнительные магазины и подвешиваю подсумки с гранатами на поясной ремень. Настроение – хуже некуда.

– Из первого отделения ты один в строю остался, – лениво позевывая, объясняет присевший на бруствер моего окопа Саша и спрашивает: – А почему?

– Мне просто повезло, – угрюмо отвечаю я и прошу: – Слезай с бруствера, а то стрельнет какой-нибудь идиот, убьют еще.

– При прочих равных условиях, – не прекращая разговор и не меняя тона, Петровский слез с бруствера и присел в окопе, – везение играет большую роль: раз повезло – глядишь, и второй раз повезет. – Он улыбается и задушевно так замечает: – А если тебя все же хлопнут, то все меньше залетчиков в роте останется. Глядишь, и показатели у нас в политической подготовке получше будут. А еще замполит из третьей роты с облегчением вздохнет, ты ж его на батальонном комсомольском собрании ленинскими цитатами чуть до истерики не довел...

– Ну, спасибо, Саша, удружил, – не глядя на взводного, тихо говорю я. – Жив останусь, водку тебе доставать больше не буду.

– Ты уж постарайся остаться-то, – усмехается малопьющий лейтенант Петровский. – Как же я без водки-то... пропаду ведь...

Иду расталкивать еще двоих, которых наметил с собой пригласить. Прохожу мимо окопа; в нем, закутавшись в трофейный халат и свернувшись калачиком, сладко спит Муха – только губами чмокает, улыбается чему-то. Вид у него детский, беззащитный, не скажешь, что уже отслужил почти два года и имеет медаль «За отвагу». Этой осенью Мухе домой, совсем чуть-чуть до дембеля осталось. Спиной к нему Леха привалился, тоже сопит. Мы втроем давно дружим, почти с первого дня, как я в Афган попал. Я за Леху написал эротическое сочинение про героиню Пушкина Татьяну Ларину. Он за это мое творение от ротного нагоняй получил. И мне досталось. А затем ротный отдал беспощадный приказ: выпустить стенгазету, посвященную творчеству Пушкина. Муха нам ватман в штабе бригады достал. Потом втроем ротную стенгазету оформляли, вот и подружились...

Я, минуя товарищей, подхожу к Витьке.

– Нет, ну почему я? – слово в слово повторяет мои слова злой со сна Витек. Я его еле растолкал.

– Ты два раза был женат? – спрашиваю я и сам же отвечаю: – Был! Бабу имел? Имел! В отпуск ездил? Ездил! А кого мне брать? Муху, что ли? Так он не то что на девку не залезал, он небось еще не целовал-то никого. Имей совесть, Витек.

– Еще кто пойдет? – кисло осведомляется Витек.

– Иди Филона буди, а я тут радиста подожду.

Уходит успевший в свои двадцать лет дважды жениться Витек. Я жду связиста, покуриваю в кулачок и слышу:

– Ну почему я? – возмущается Филон.

А потому, ребята, что неохота мне своих друзей, Леху и Муху, под пули подставлять, они ж не виноваты, что с таким раздолбаем, как я, дружат. Простите, ребята, но кому-то же надо идти, а то и в самом деле посекут нашу роту из пулеметов, а нас и так всего ничего осталось.

Подходит связист, тоже недовольный, я его давно знаю.

– Герка? – чуть улыбаюсь я. – Привет!

– Век бы тебя не видеть, – бурчит расстроенный и невыспавшийся Герка, – таскайся тут с тобой.

У связистов – тех, кто на своем «горбу» носил полевые радиостанции, – служба тоже хреновая была. То, что рация тяжелая, это еще полбеды, а вот то, что их первыми убить старались, – вот это беда. Снайпера обучают не только хорошо стрелять, его еще учат, кого надо убивать первым. Офицер – он на операции ходит в полевой форме без знаков различия, от солдатской ее не отличишь. А вот связиста сразу по антенне рации видно. Убей связиста, парализуй управление боем – вот чему учат снайпера. Редко ходили связисты в разведку, не шли передовым дозором, а вот потери несли. Били по ним снайперы, и очень часто приходило пополнение во взвод управления, на замену раненым и убитым.

Вот и собралась вся группа. Четыре человека, две связки бойцов. Все лишнее снаряжение оставили. Идем налегке. Только у плотного, сильного и выносливого Герки за плечами рация. Подходят взводный, ротный и начштаба батальона.

– Удачи! – только и говорит Саша и каждого легонько хлопает по плечу.
– Держи, – Акосов протягивает мне флягу в матерчатом чехле, – выпьешь с ребятами.
– А это на завтрак, – капитан Эн передает Филону две банки тушенки, обмазанной соли-
долом. Они из одного города – земляки.

– Счастливо! – шепотом желает замерзший Баллон, когда мы проходим мимо его поста, и довольно улыбается, ловя кинутый мною сверток с трофейным халатом.

Пора. До рассвета еще четыре часа, а все равно пора. Рассветные часы – они самые сладкие для сна. Спите спокойно, духи гор, мы постараемся вас не потревожить, мы тихонечко пойдем, стрелять первыми не будем, по крайней мере до рассвета.

Это только кажется, что ночью тьма непроглядная и не видно не зги. Не раз я ночами по горкам ползал и часовым на посту по ночам бдил. Во всех военных ипостасях срочной службы побывать довелось, и точно вам скажу: жить захочешь – и ночью где надо пройдешь и увидишь что надо. И ближе, солдат, ближе к горкам да камешкам жмись, они даже ночью тень отбрасывают; прячясь в этой тени, солдат, вот тебя и не увидят.

Идем попарно, в тени прячемся. Первая группа – я и Витек, вторая – Филон и Герка. Уже и наших постов не видать. Мы спустились вниз по тропке, идем по расщелине, камешек под плавным скользящим шагом не брякнет, амуниция на теле не звякнет, только «фибры души» вибрируют, но их слышишь только ты один.

А ведь должны они за нами наблюдение вести, обязательно должны. Может, уже и засекли нас, подпустят поближе – и вот как от той, такой удобной для засады кучки камней даст по нам очередь душман, и амбец! Останавливаюсь и, чуть пригнувшись, напряженно слушаю. Не горы слушаю и не ночь, а свои «фибры души». «Иди, нет там никого», – шепчут мне они, и я делаю плавный скользящий шаг вперед, за мной – Витек. Увидав, что мы пошли, поднялись с камней и Филон с Геркой.

Я, в силу воспитания и образования, был умеренным материалистом и атеистом, мистикой и паранормальными явлениями никогда не увлекался. А тут в Афгане проникся: почти всегда знал, откуда по мне стрельнут и куда надо упасть. Даже чужие взгляды чувствовал – не каждый, а тот взгляд, когда на тебя сквозь прорезь прицела смотрят. Не знаю, что это было. Третьего глаза у меня нет, астральное тело за меня в разведку не ходило, и вообще экстрасенсорными способностями я не обладаю. А вот «фибры души» есть, и вибрируют они все сильнее.

Обходим подозрительную кучку камней. Точно никого нет. Прошли всю расщелину, за ней межгорную долину и вверх на следующую гору поднимаемся. Гора хоть и высокая, но пологая, можно, минуя тропу, идти. На тропе могут быть мины, ночью их заметить трудно, лучше без дороги вверх по склону карабкаться. Да куда они, эти душманы хреновы, провалились? Может, ушли? И зря мы медленно передвигаемся мягким скользящими движениями по черным камням афганских гор? Но нет, не зря! Засае́м пост и тут же ложимся. Ждем стрельбы, шума-гама... Нет, ничего. Поползли. Вот они. Четверо с винтовками и один пулемет РПД¹⁰ на сошках. Спят, милые, небось утомились за день, вот и улеглись в ложбинке, завернулись в халаты и спят. Спите, спите. Мы вас ничуть не побеспокоим, мы вас сонных резать и стрелять не будем, мы вас тихонечко обойдем и аккуратненько отметим вашу позицию, а потом координаты и ориентиры передадим. Тогда вас утречком из минометов и накроют. Счастливых вам снов, духи.

Еще две позиции с пулеметами обнаружили. И только на одной не спали, разговаривали негромко, да мы слышали. Обошли их осторожненько. А вот у этой группы оружие серьезное было – мы засекли торчащий из камней ствол ДШК. И грамотно их позиции расположены. Спустятся утром две батальонные роты вниз, в межгорную долину, вот тут-то их перекрестным пулеметным огнем и накроют. Третья рота, что будет с нашей высоты прикрывать движе-

¹⁰ РПД – ручной пулемет Дегтярева. До 1980 года состоял на вооружении афганской армии.

ние первых двух, конечно, откроет заградительный огонь, и вертолеты на подмогу подойдут. Да только пока это начнется, у нас от личного состава хорошо если половина останется.

Жестом показываю Витьке: «Сваливаем». За нами поползли Филон с Геркой.

Нам теперь тоже надо позицию подобрать – так, чтобы под огонь своих не попасть и с помощью пулемета и автоматов поддержать наши роты.

Мы забираемся на другую горку, параллельную той, на которой духи расположились, и осматриваемся – нет никого. Высотка удобная, постов нашего батальона с нее почти не видно, зато позиции духов хорошо заметны. Герка по рации передает ориентиры. Все, дело сделано. Окопы копать уж нет сил, да и времени тоже, скоро рассвет. Из камней понаделали укрытия, есть где голову укрыть – и ладно. Хоть и устали, а сна ни в одном глазу. Выпить и пожрать надо. Филон штык-ножом вскрывает военный деликатес – банки с тушенкой, Витек руками ломает черный хлеб, Герка облизывается. Я снимаю с ремня фляжку в матерчатом чехле, отвинчиваю колпачок; выдохнув воздух и от предвкушения блаженства закрыв глаза, делаю глоток...

– Ну, ротный, ну и сука! – проглотив холодную жидкость и с трудом подавив негодующий вопль, змеюкой шиплю я.

– Ты чего? – вскинулся Витек.

Молча передаю ему флягу. Витек делает глоток, сморщившись, сплевывает и негромко матерится.

– Вы это чего, ребята? – растерянno смотрит на нас Герка.

– А ты сам попробуй, – предлагаю я, а Витек передает ему флягу.

– Чай как чай, – выпив, недоумевает Герка.

– Это не чай, а верблюжья моча, – все еще негодую я, вспоминая, как торжественно передавал мне флягу командир второй роты гвардии капитан Акосов.

Верблюжьей мочой у нас звали напиток, приготовленный из «верблюжьей колючки»; жажду-то он хорошо утоляет, но не водка же!

– А ты думал, – ехидно ухмыляется Филон, – тебя спиртом наградят? Губы закатай и садись тушенку жрать.

Тушенка свиная, с армейских складов. В обмазанной солидолом банке один свиной жир и немного мяса. Намазали на куски черного хлеба жир, чавкая, съели, запили «верблюжьей мочой». Покурили. Вот и все, светает уже. Запищала рация. Герка надевает наушники и микрофон.

– Комбат, – вполголоса говорит он, – требует уточнить ориентиры для ведения огня.

– Вот ты и уточняй, – предлагаю ему я и говорю уже Филону с Витьком: – Расползаемся, ребята, наши сейчас огонь откроют.

Каждый в свое укрытие залег, оружие к бою – и одна радость, что так и будем лежать, пока наши роты, подавив огневые точки, не пройдут мимо нас по извивающейся горной тропе. Хоть часика три отдохнем.

С нашей высоты хорошо заметны такие далекие и совсем не страшные разрывы мин. Открыли минометчики огонь, все три расчета, по одному из каждой роты. Только мимо, не туда ложатся мины, куда мы указали. Духи молчат, себя не обнаруживают. Им-то что, смеются небось над нами: разрывы в ста – ста пятидесяти метрах от их окопов ложатся.

– Куда ты бьешь, урод? Ты куда целишь, твою мать, – весь вспотев, корректирует огонь Герка, – я тебе который раз повторяю, ориентир номер один – это куча камней, бери влево сто метров, там их пулемет...

– Я тебе где другие ориентиры возьму? – после короткой паузы кричит он. – Тут, кроме камней, нет ничего... Сам пошел на... Какие градусы?.. Откуда я знаю... Нет! Нет! Нет накрытия...

Корректировка огня – это наука. Тут требуется точная привязка топографической карты к местности, тут нужны заметные ориентиры, тут необходим армейский дальномер со специ-

альной сеткой делений. Нет у нас ничего. Как слепой объясняет глухому, как ему в незнакомом городе попасть в другой район, так и мы корректируем огонь. Нет! Нет накрытия. А как мы могли ночью лучше ориентиры выбрать? Тут нет зацепок для прицела – горы, они и есть горы. Надывается в микрофон Герка:

– Мимо! Мимо! Да чтоб ты своей бабе так между ног попадал... Ой! Извините, товарищ майор, я это не вам... есть позвать...

Повернувшись в мою сторону, связист зовет:

– Тебя комбат.

Подползаю, надеваю скользкие от пота резиновые наушники и, будто далекий писк, слышу голос комбата:

– Ориентировочно через пять минут будут вертолеты. Трассерами укажешь им направление для удара. Понял?

– Ясно, – тихонько отвечаю я.

– Не слышу! – теперь уже ревет в наушниках голос комбата.

– Микрофон ближе, – шепчет Герка.

– Вас понял! – повторяю я, поднеся ближе к губам микрофон.

Закончена связь. Пересохло в глотке, и опять завибрировали «фибры души».

– Ну как? – надевая на свою остриженную голову взятые у меня наушники, устало спрашивает Герка. – Сильно ругался?

– Ну вот, ребята, и конец нам пришел, – отвечаю и после короткого матерного ругательства всем громко объявляю: – Будем вертолеты трассерами на цели выводить. Давайте, пока они не подошли, по два магазина одними трассирующими снарядим.

– Может, обойдется? – неуверенно спрашивает, повернувшись в мою сторону, Витек.

Нет, Витька, не обойдется, даже и не надейся. Сильно, очень сильно дрожат мои «фибры души» – значит, конец нам. Хотя, может, и обойдется: на войне трудно наперед говорить...

Указывать цели трассирующим огнем – это ясно показать противнику, где сидят наблюдатели. Это, конечно, не так красиво, как в героических стихах: «Вызываю огонь на себя!», но по сути то же самое. Первое, что делает противник, обнаружив наблюдателя, – старается его уничтожить. По трассам нас быстро засекут. А у духов есть мощная машинка ДШК: как долбанут из нее тяжелыми крупнокалиберными пулями, так только камушки от укрытий в разные стороны полетят. А дальше нас, лишенных защиты, быстро перестреляют.

– Витек! Герка! Быстро на другую сторону горы откатились, вас там ответным огнем не достанут. А уж как нас грохнут, так вы корректировку продолжите.

Никто не спорит, никто не выделяется: «Да давай я останусь, а ты уходи», или что-нибудь в этом роде, такое же бессмысленно-героическое. Давно мы воюем и знаем – у каждого своя судьба. А судьба – это, братцы, такая подруга, что от нее за чужими счинами не спрячешься.

Отползают за склон Витек и Герка. А мы ждем – я и Филон. Молчим – а чего тут говорить? Слова – они пустые, ими от пуль не прикроешься. А через пару минут:

– Давай быстрее пускай, а то нас расстреляют! – слышу истошный вопль Филона.

А то я сам не знаю, что расстреляют! Подвигаю свой РД и судорожно трясущимися руками роюсь в нем.

А вертушки уже на боевой разворот заходят, щас как долбанут по нам, и все. Тогда точно конец будет! Мы как вертолеты увидели, так сразу корректирующий огонь открыли, а они нас за духов приняли.

Есть, нашел, нащупал пальцами продолговатый цилиндр! Вытаскиваю и сразу рву запальный шнур. Повалил густой красный дым, показывающий: «Братцы! Хорошие! Не бейте нас, мы свои!» Первый вертолет закладывает вираж и, не расстреляв нас ракетами, уходит; за ним еще два. Делают круг, засекают наши направляющие трассы и вот теперь уже на цель по одному

выходят. До нас доходит упруго-тяжелая взрывная волна. На позициях духов месиво от вздыбленной земли, летящих камней и визжащих осколков. А мы туда еще и своего огоньку добавляем. В ответ не стреляют. Вертолеты накрыли духов с первого захода. Пока «птички» кружат, наша рота шустро поднимается и мчится вниз, в долину, а миновав ее, – вверх по склону другой горы к расстрелянным позициям душманских пулеметчиков. Есть! Уже на вершине – такие маленькие, такие далекие от нас фигурки солдат. Прошли засаду! Нет у нас потерь. Ну и пилоты! Прямо снайперы!

Бывало и такое, что друг по другу из-за несогласованных действий били – или по ошибке, а чаще всего по раздолбайству. И потери большие несли, но нашу роту, к счастью, это не коснулось, а вот иным подразделениям доставалось. Тут же все прямо как по маслу прошло.

Ну все, пора к своим двигать. Встаю и смотрю на Филона, у него от химического дыма все лицо красное. Он на меня глядит и хохочет:

– Ты теперь точно красный!

Протираю лицо рукой, смотрю на ладонь – вся красная. Бью ногой уже пустой, но все еще чуть чадающий едким удушливым химическим дымом цилиндр.

Вот из-за этих густых, далеко заметных ярко-красных сигнальных дымов и возникла легенда о применении нашими войсками в Афганистане химического оружия. Не применяли, лично я о таком даже и не слышал, а слухам из «достоверных, но пожелавших остаться неназванными источников» не верю. Не было военной необходимости такое оружие применять, и обычным вполне справлялись.

– Повезло нам, ребята, – подходя к нам, говорит Витек. Рядом с ним, счастливо улыбаясь, идет Герка. Как же мы рады, что живы остались!

Бешеным звоном забили тревогу «фибры души».

– Ложись! – кричу я, сам падаю и только потом слышу заунывно-противный вой летящей к нам мины.

Разрыв не вижу, только бьет по барабанным перепонкам сотрясенный взрывчаткой воздух; слышу такой противный клекочущий вой осколков, чувствую резкий сильный удар – и дальше беспмятство. Все так быстро произошло – раз! Даже ахнуть не успел – и готово, ты уже труп.

Первое, что почувствовал, когда очухался, – это дрожь в ногах и мокроту в штанах. Ужаснулся: да неужто обоссался? Бывало такое: не от страха, а просто не приходя в сознание, раненые под себя прямо в штаны мочились. Потом бьет по нервам резкая дергающая боль. Смотрю: кровь из левой ноги хлещет, течет и по штанам расползается. В ляжку меня долбануло. Сначала даже облегчение почувствовал – значит, не навалил в штаны. Может, и смешно, но это так. Поворачиваюсь на бок, выдергиваю из штанов узкий брезентовый брючной ремень – тремпель; чуть привстав, накладываю повыше раны жгут. При ранении главное – кровью не истечь. И только потом осматриваюсь. Филон сидит рядом с лежащим Витьком и башкой мотает, жив. Герка обалдело смотрит на рацию – она вся осколками искорежена. Помню, до взрыва она у него на спине была – значит, уже разбитую снять успел.

– С Витьком чего? – спрашиваю я; горло пересохло, и слова выходят тихие и как бы неуверенные.

– Сейчас перевяжу, – встав, идет ко мне Филон и на ходу разрывает индивидуальный пакет, достает бинт, присаживается рядом и начинает бинтовать поверх штанов.

– А Витька убили, – бесцветным голосом говорит он.

– Я уже понял.

– У меня промедол остался. – Вот уже и Герка подошел, достает шприц-тюбик и колет мне в ногу повыше повязки.

– Повезло Витьку, – тем же бесцветным тоном говорит Филон, – ему всю спину осколками посеколо, позвоночник перебило, и крохотная ранка на затылке. Сразу отъехал, не мучался.

Разное оно, везенье, на войне бывает. Коли судьба такая, то лучше уж так, сразу. А так... даже если бы выжил Витек, то кому он потом бы с перебитым позвоночником да парализованный нужен-то был? Разве что матери. Может, и жене, но вряд ли.

– Идти-то можешь?

Встаю, кровь уже не идет, промедол боль снял, кость вроде не задета, жить можно.

– Доковыляю как-нибудь.

Филон и Герка заворачивают Витьку в плащ-палатку, примеряются, как нести.

– Если бы тебя вместо Витьки грохнули, нам бы легче было, – скривился Филон, опуская на землю мертвое тело.

– Почему? – апатично глядя, как парни возятся с плащ-накидкой, интересуюсь я.

– Ты весишь меньше, – без улыбки, совершенно серьезно объясняет Филон.

Верно, веса во мне килограммов этак с шестьдесят пять, и то с учетом навешенной амуниции и оружия, а Витек – он здоровый парень, тяжелый.

– Да брось ты свою рацию, – советую я Герке, видя, как он, примеряя лямки, собирается надеть разбитую радиостанцию. – И так идти тяжело, а ты еще этот хлам тащить собрался.

Герка швыряет на землю рацию, мы ее расстреливаем, остатки разбиваем прикладами на мелкие кусочки. Ну что, ребята, пошли?..

Как дошли, почти не помню, через пару метров нога разболелась, все сильнее и сильнее жжет и рвет рану, по всему телу расползлась резкая боль. Искры из глаз. А тоже не ляжешь, тащить некому – ребята Витьку несут, им тоже не сладко.

Все же дошли на ту высоту, где раньше у духов были позиции. Наша рота уже ушла вперед. Меня и Витьку возле штаба оставляют, Филон и Герка уходят. Батальонный фельдшер делает мне противостолбнячный укол, еще впрыскивает пару тюбиков с промедолом, накладывает новую повязку. У меня все плывет перед глазами, мне уже все безразлично. Скоро эвакуация: меня – в госпиталь, Витьку на вечный дембель. Он рядом со мной. Как же мне хреново, ребята... вот и улыбаюсь. Вспоминаю рассказ Витьки об отпуске домой. Он с первой женой разводиться ездил – это она на развод подала, – вот его и вызвали на суд по повестке, заверенной военкоматом. Витька такой счастливый и довольный домой поехал, мы его всей ротой собирали: новенькая форма, денег ему дали – ничего не пожалели. Развелся с одной – и тут же на другой женился. Вернувшись, он фотку нам показывал, хвастал, какая красивая у него вторая жена. Хотя уже не жена, вдова... Помнишь, Витька, как ты хохотал, когда нам про суд рассказывал? Я ведь тебя таким запомнил; ты для меня, Филона, Герки, для наших ребят с роты не «груз 200», а веселый здоровый русоволосый парень. А еще помню, как за минуту до разрыва ты сказал: «Повезло нам, ребята!» Повезло, только такое разное везенье на войне бывает...

Виктора Некрасова посмертно наградят орденом Красной Звезды. Филона, Герку и меня представят к медалям «За отвагу». Вот только... Мой наградной лист разорвет начальник политотдела за то, что тремя днями раньше прямо во время проведения операции я избил афганского солдата и офицера и отнял у них термосы с пловом. Герке за то, что он не представил на списание разбитую рацию, объявят выговор. Начальник штаба батальона капитан Э*** ходил лаяться к начальнику связи, выговор сняли, а наградной лист Герке так и не утвердили. Филон с нами за компанию пошел, его наградной тоже в штабе зарубили. Филон и Герка останутся живы, но вернуться домой без наград.

Сергей Филонов – Филон, Георгий Захаров – Герка... Наша награда – что живыми остались. А ты, Витек, прости за то, что я тебя на это задание выдернул, Муха должен был пойти.

Вот только, понимаешь, ты уже дважды был женат, а у Мухи девушки еще не было... «Имей совесть, Витек», – сказал я тебе. А совесть у тебя была.

Знойным маревом дымится воздух, от жары даже камни парят. От потери крови и лекарств я пребываю как в невесомости. И тут, и не тут. Так где же, где же я? Как же я здесь оказался? Я же не хотел на войну, не хотел в Афган... Меня будто качает на волнах, и наплывают воспоминания...

СССР – РСФСР, 1980 год

– Сыночек, миленький! Я прошу тебя, не иди добровольцем в Афганистан, пожалей меня! – просит плачущая мама перед отправкой в армию.

Заплеванный призывниками двор областного военкомата. Тяжелый дух от водочного перегара и табачного дыма. Гомон призывников и властные выкрики офицеров военкомата. Мат, песни и духовая музыка. Весна 1980 года. Весенний призыв.

В январе 1980 года советские войска уже вошли в Афганистан, а по стране поползли слухи об эшелонах с цинковыми гробами.

– Не бойся, мама, не пойду, – обнимая ее за поникшие плечи, обещаю я.

Я обещал маме, что не пойду добровольцем, и сдержал свое слово. Вот только судьбе и войне плевать на те обещания, что дают матерям их сыновья.

– Команда номер 14 85! Строиться! – усиленный мегафоном, звучит приказ. Это зовут и меня, я попал в эту команду.

Последние трогательно-жалкие поцелуи и... до свиданья, мама, не бойся, я вернусь.

Литовская ССР, Гайджунай, п/о Рукла, в/ч 42227. 1980 год от Рождества Христова. 1401 год по Хиджре – мусульманскому летоисчислению

Вспомни, десантник, дома вдалеке,
Гайджунай зеленый, автомат в руке.
Как нам было трудно, только, зубы сжав,
Находили силы на последний шаг.

Куплет из песни. Автор неизвестен

Страна дождей, шлюх и голубых беретов. Так в ВДВ именовали Литовскую Советскую Социалистическую Республику. Там дислоцировались две воздушно-десантные дивизии: одна строевая Каунасская, а вот вторая... «Для всех людей Бог создал рай! Для нас – учебку Гайджунай!» – такая вот была полная бравады и удали поговорка в среде советской десантуры. Гайджунайская учебная дивизия воздушно-десантных войск, кузница младшего командного состава для ВДВ. Вот туда-то я и попал в начале своей службы. Первое отделение первого взвода первой роты первого батальона 301-го учебного парашютно-десантного полка – в/ч 42227. Курсантов учебки на жаргоне звали просто – курки. Из нас предполагалось готовить командиров отделений для десантно-штурмовых бригад. Трети выпускников предстояло отбыть в Афган, и нас к этому готовили. Так готовили, что меня до сих пор тошнит.

Дорогая мамочка!

У меня все хорошо, я жив и здоров. Не беспокойся за меня. Кормят тут отлично, казармы со всеми удобствами. Командиры добрые и заботливые. Занятия много сил и времени не отнимают. Вечером смотрим телевизор или ходим в клуб смотреть кино. Время для отдыха и сна вполне достаточно. В нашем учебном подразделении готовят сержантов для войск Варшавского договора. Так что не волнуйся, в Афганистан я не попаду. И еще одна новость: всех, кто имеет подготовку парашютиста, от прыжков освободили. Так что

*большие мне с парашютом прыгать не придется, можешь не переживать, я не разобьюсь. Посылки часто отправлять не надо, деньги тоже. На присягу ко мне не приезжай.
Целую, твой сын.*

Если театр начинается с вешалки, то настоящая служба в армии начинается с пиз...лей. Ну, а для меня служба в десанте началась с того, что я вдоволь напился пива.

– Эй, курок! – окликнул меня рослый сержант, когда я с интересом оглядывал казарменное помещение роты, куда нас привели после распределения. Добродушно улыбнувшись, он предложил: – Пивка хочешь?

– Не откажусь! – не подозревая подвоха, сияя ответной улыбкой, согласился я.

Вот оно, боевое братство десантников! Вот она, настоящая служба, раз мечтался я. Все точь-в-точь как в книжках написано. И тут же получил сокрушительный удар по почкам.

– Удар по почкам заменяет кружку пива, – все еще улыбаясь, пояснил мне командир отделения.

– За что?! – возмущенно закричал я. Было не столько больно, сколько обидно.

– За знакомство, – лаконичный и исчерпывающий ответ. – Еще хочешь?

Ну, здравствуй, первая учебная рота триста первого полка! Будем знакомы, тумбочка дневального по роте. Приветствую вас, загаженные, но обязанные сиять чистотой солдатские сортиры – и самое любимое, просто легендарное очко армейского унитаза, «очко номер восемь». Ох и часто же мне с вами придется встречаться!

Трудная, но почетная, исполненная сурового романтизма служба в десанте. Строгие, но справедливые командиры, верные друзья рядом. Прыжки с парашютом, рукопашный бой, стрельба, тактика, рельефная мускулатура, гордый взгляд, голубой берет и восхищенные взгляды благодарных соотечественниц...

Как бы не так! Иначе. Ничего общего с этой пропагандистской ерундой армия не имеет.

– Выше ногу! Шире шаг. Я сказал выше... – раздается по полковому плацу заливистая матерная ругань, – носочек тяни, мать твою... Я тебе... наизнанку выверну. Как подходишь?.. Раздолбай! Еще раз! – командует, как рычит, на строевом плацу сержант.

Разлинованный на белые квадраты черный заасфальтированный полковой плац. Разбитая по отделениям рота три часа отрабатывает строевые приемы без оружия. Строевой шаг, выход из строя, подход к начальнику, отдавание воинской чести в движении. Горят подошвы кирзовых сапог, стерты ноги в неумело накрученных портянках, все тело ломит от усталости, а до обеда еще долго, на перекуры даже и не рассчитывай.

– Выше ногу, шире шаг, мать вашу... мы вас научим, как Родину любить! – командуют марширующими по плацу курками вконец обнаглевшие от полной безнаказанности сержанты.

Эта строевая подготовка – исключительно важная для ведения боевых действий вещь. Нам же придется к противнику строевым шагом подходить. Грудь вперед, живот втянут, чеканя шаг, подход к душману: «Товарищ душман! Разрешите в вас выстрелить? Есть лечь трупом! Разрешите выполнять?!»

– Рота-а! Смирно! Ша-агом марш!..

Идет рота прямо с плаца в солдатскую столовую, стараются чеканить шаг курсанты. Жрать охота – аж сил нет; слюни кипят, всей душой стремишься к горячим кастрюлям, а телом здесь.

– Рота, смирно! Равнение налево!

Строй курсантов проходит мимо взводного офицера, очень стараются новобранцы-курки держать равнение на командира. Недовольно морщится невысокий, давно пересидевший в должности командира взвода офицер – херово идут воины-десантники.

– Вы что, мало их е...ли? – сурово укоряет товарищ старший лейтенант сержантский состав.

– Будем их в личное время тренировать, – уверенно обещают сержанты. – Так вздрючим курков, что через пару суток можно хоть на парад их отправлять. Таких тонких, звонких и прозрачных.

Взводный удовлетворенно кивает. У нас в роте такие младшие командиры, что слово с делом у них не расходится. Обещали вздрючить, значит, вздрючат.

– Рота, стой! – коротко, властно командует офицер.

Замирает перед входом в столовую строй, урчат голодные желудки.

– Ро-ота! Слева в колонну по одному, для приема пищи... бего-ом марш!

Ну вот и обед; пожрем, чуток передохнем – и с удвоенными силами побежим учиться любить Родину.

Кормили, в общем-то, нормально. Непривычно после домашних разносолов, а так ничего. За столом не едим – заглатываем пищу. Быстрее, быстрее забить желудок! В моей алюминиевой тарелке остается здоровенный кусок вареного свиного сала, такое противно-жирное на вид. Знаю: если не съем его, голод будет мучить весь оставшийся день. Закрываю глаза и, не жуя, с трудом пропихиваю в пищевод кусок. Провалилось сало в желудок, можно открыть глаза. С интересом наблюдаю за соседом – он аварец, призван из горного аула Дагестана. Уже второй день как отказывается есть свинину, а его никто и не заставляет. Не хочешь? Ну и не надо! Сегодня пошел третий день его службы. У аварца закрыты глаза, на лице гримаса мучительного отвращения, во рту кусок вареного сала, с губ капает жир. Да, голод не тетка! Через неделю он, принимая пищу, уже не закрывал глаза, не морщился, а с вождением прожевывал балтийскую свининку и шарил взглядом по столу: «А нет ли добавки?»

После обеда приказ Родины строг: «Час времени – и чтобы все блестело! Время пошло! Какие веники? Курсант! Ты что, совсем оборзел?! Наряд вне очереди. И ручками, ручками все дерьмо убираем!»

Исполняя свой конституционный долг, убирали территорию части руками. Быстро узнали, что означает подлинная служба в легендарных войсках, тех самых, которые сразу и воздушные, и десантные.

После ужина – уборка казармы; нужно штык-ножами мастику с полов соскрести и новую наложить. Над тумбочкой дневального висят большие часы. Время уже 22.00, по распорядку дня – отбой. А мы не успели все сделать. Ах, вы не успели?! Родной! Так у тебя вся ночь впереди, успеешь.

Полы блестят и воняют свеженькой мастикой, солдаты шатаются. Новые сутки уже пошли, а прежняя суточная служба еще не закончилась, армейским дятлом долбит по мозгам новый приказ:

– Ро-ота! Сорок пять секунд – отбой!

Два часа ночи. Рассыпается строй, замотанные «половой» жизнью курсанты летят к кроватям, на ходу срывая одежду. Горит в руке у дежурного по роте спичка. Успеем скинуть одежду и лечь под одеяло, прежде чем огонек чуть обожжет сержанту пальцы, – отдохнем. Не успеем? Подъем!!! Будем тренироваться!

– Ро-ота! Сорок пять секунд – отбой!

Четыре часа ночи; натренировались так, что не только в сорок пять секунд уложились, а перекрыли норматив. Залегли по койкам. А через два часа, ровно в шесть, дежурный по роте ревет:

– Ро-о-ота! Подъем!!! Выходи строиться! Форма одежды номер два, для особо тупых объясняю: трусы и сапоги. Построились?! Рота... бегом.... Марш!

Больше половины учебного времени мы занимались уборкой казармы и территории и другими столь необходимыми для военной подготовки хозяйственными работами. Ходили в наряды по роте и караулы, наряды по кухне, наряды... наряды, где одна лишь работа под бдительным матерно-кулачным надзором сержантов. Нагрузки большие, пайка скромная, жрать и

спать хочется постоянно. А командиры тебя все любят и любят и никак не уймутся. Знаете, что такое командирский армейский оргазм в мирное время? Это блистающая чистотой территория части, сияющие опять же чистотой казармы и шагающие строевым шагом курсанты. Еще ловит командир глубокий оргазм от выровненных по ниточке коек, отбитых кантиков на застеленных одеялах, от туго перетянутых ремнями талий курков и зеркально-чистых кирзовых сапог.

Мое первое впечатление от армии? Она, «непобедимая и легендарная», грозит врагу и готова его победить только образцовой чистотой территории и казарменным порядком в воинских частях и собирается ходить в атаки исключительно строевым шагом.

Военной подготовкой тоже занимались, вот только на нее времени немного оставалось.

Бегом марш!!! Это мы с полной выкладкой бежим на стрельбище. Потные, грязные, замученные. Отстрелялись?! Бегом марш!!! Это назад, в расположение части. Вспышка справа! От команды «вспышка ядерного взрыва» рота падает в грязь. Отставить! Не уложились в норматив. Ро-ота! Газы!!! Резиновая маска, гофрированная трубка, пот и сопли заливают сжатое противогазом лицо, с хрипом входит и выходит воздух из легких. Бегом марш!!! Не хватает воздуха, заплетаются ноги, оттягивает плечо и бьет прикладом по заднице опостылевший ручной пулемет. Это кто там такой умный, что трубку отвинтил? Еще пять километров! Ро-ота! Газы!!! Бегом... Марш!

Рота! К бою!!! Это уже тактика: бегаем по полю, ползаем по-пластунски в составе роты, в составе взвода, в составе отделения. А погода в Литве сырая, дождливая; месим грязь, мокрым под дождем, зуб на зуб от холода не попадает. Замерз, курсант? Ничего, милый, сейчас согреешься! А ну, бегом марш! И опять то резвым галопом, то обессиленной вихлявой трусцой по сырым лесам, то ползком по болотам. Сами грязные, мокрые, оружие в грязи. И матерная ругань, без остановки, – на другом языке в армии не говорят. Не уложились, не успели – все снова. Рота! К бою!!!

После каждого выхода из казармы с оружием, по прибытии в расположение – его чистка. Чистишь, чистишь распроклятый пулемет РПКС-74, а пороховой нагар все остается и остается – то тут, то там пятнышко. Крохотное оно, это пятнышко, а вот нагоняй за него приличный получишь.

Личная гигиена солдата – это тоже дело государственной важности, не такое серьезное, как чистка оружия, но все же...

– Ты что, чмо? – прямо в лицо орет мне побагровевший от возмущения командир отделения. – Ты почему, урод, форму не постирал?

А форма у меня после занятий на стрельбище и тактических учений точно грязная. Набегался по грязи, напознался по болотам, с чего же ей чистой-то быть? Только-только чистку оружия закончили, не успел я ее в порядок привести.

– А ну пошел! – продолжает орать, чуть ли не срываясь на визг, сержант. – Минута времени тебе на постирать. Бегом марш!

Вода в умывальнике холодная, мыло хозяйственное, таз один на троих – и минута времени всю одежду постирать. Выстирал, кое-как прополоскал, отжал, все мокрое, сменной одежды нет. Одевайся, курок, отведенная тебе минута времени уже давно истекла. Во влажном, одетом на худое дрожащее тело х/б – бегом на строевую подготовку, на промозглый балтийский ветер, под неласковое негреющее литовское солнце. Грейся строевым шагом, товарищ курсант, и суши своим телом одежду.

Баня один раз в неделю, тогда же смена нижнего белья. На сто курсантов выдают девяносто комплектов. Не щелкай клювом, воин, а то без трусов останешься. Быстро ополоснулся – и бегом за бельем. Не досталось? Сам виноват! Получи один наряд вне очереди. Баня в эту неделю не работает? А мы вас, товарищи курсанты, по-десантному помоем. Как? А вот так! Ро-о-ота! Газы!!! Надеть хим. гондон! Курсант, да ты просто болван! Нечего так ухмыляться, в армии хим. гондон – это ОЗК, общевойсковой защитный комплект. Застегнуть все клапаны.

Надеть противогазы. Застегнули, надели, теперь любые СДЯВ¹¹, а заодно и кислород, для тела недоступны. А вот теперь бего-ом марш! Кросс пять километров в резине, а уже через сто метров потеешь, как в парной. Пока бежишь, не ручьем – водопадом пот с тебя хлещет. Прибежали к лесному ручью, сняли ОЗК; распаренные, мокрые – в ледяную воду. Помылся, выходишь, а кожа аж как после парилки хрустит. Такая вот была спецсауна ВДВ.

А вот и физическая подготовка, вот сейчас-то нас и начнут учить рукопашному бою, станем мы всамделишной десантурой. Мы ж для этого сюда напросились, мы ж дома потом хотим повыделываться. Раз удар! В крошево разлетается кирпич. Два удар! Десятками валятся супротивники. Учите нас!

– Ро-ота! Бегом марш!!!

Как?! А то мы мало бегаем? Утром кросс. На стрельбище бегом, на тактике бегом. Все бегом. И вот опять марш-бросок на тридцать километров.

– За что? – прямо из души летит полный муки стон.

– ...Товарищ старший лейтенант! Разрешите обратиться?

Это из меня еще не всю романтику выбили, вот и полез на глаза к ротному командиру с дурацкими вопросами.

– Слушаю вас, товарищ курсант. – Командир учебной роты, весь такой бодрый и энергичный молодой офицер в спортивном костюме, со скукой смотрит на меня.

Марш-бросок и кросс – его любимые виды физподготовки, он их всегда, пока не женился, лично проводил. Мастер спорта по офицерскому многоборью, оно же спортивное пятиборье, сам бегал, как лось, и нас до потери пульса гонял.

– А когда нас будут учить рукопашному бою? – скромненько спрашиваю я и с робкой детской надеждой смотрю на товарища старшего лейтенанта.

А вот возьмет и отменит кросс. Он же командир! И будет показывать нам суперприемы. Стоявшие рядом со мной курсанты настороженно прислушиваются. Сержанты зловеще ухмыляются.

– Курсант, – спокойно объясняет офицер, переминаясь с ноги на ногу и разминая таким образом связки и сухожилия, – у меня в училище¹² был начальник курса, он еще во Вьетнаме военным советником служил; так вот, он любил нам рассказывать такую историю. Крохотный щуплый вьетнамец в одиночку в бою завалил семь двухметровых янки – зеленых беретов. Когда его спросили, как он это сумел, этот похожий на рахитичного подростка воин пожал плечами и ответил: «Все очень просто: я лучше стреляю».

Ротный заметно повышает голос, это как сигнал «слушайте все!»:

– Товарищи курсанты! Вам все понятно?

Мы, полуголые (форма одежды – голый торс), стоя под мелким противным дождем, подавленно молчим. Все понятно: от бега не отвертеться, а огневой подготовкой так уж точно замучают в доску.

– Ро-о-ота! Бего-ом... Марш!

Побежали, а куда деваться бедному солдатику первого месяца службы. Сопели, задыхались, на бегу блевали, но бежали. Падали, вставали и опять бежали.

За то, что я упал во время кросса и еле-еле вихляющей трусцой последним припелся к финишу, меня уже в казарме приговорили к казни на электрическом стуле. Вытянуть руки прямо над головой и сложить ладони. Согнуть ноги в коленях и опускать туловище до тех пор, пока бедра не станут параллельны полу. Выполнил? Вот и сиди теперь, как на воображаемом стуле. Через пару секунд напряженные мышцы ног начинают заметно подрагивать; ощущение, как будто через тебя пропустили электрический разряд. Чем дольше «сидишь», тем сильнее

¹¹ СДЯВ – сильно действующие ядовитые вещества.

¹² Рязанское высшее воздушно-десантное командное дважды Краснознаменное училище имени Ленинского комсомола.

напряжение «тока», и трясет тебя все сильнее и сильнее. Валишься на пол, тебя пинками поднимают и снова сажают на «электрический стул». Укатасана – сильный, яростный, неровный – так это упражнение называют йоги и рекомендуют выполнять его не более тридцати секунд. Мы не йоги, мы десантники, и потому минимальный срок казни на электрическом стуле – это пять минут. Мой личный рекорд – пятнадцать минут выдержанной пытки «электричеством».

Еще у нас был воспетый в солдатском десантном фольклоре и военных былинах тренажер силы, духа и воли: «Чертова гора».

Ох и намучались же мы на этой самой горе! Это даже и не горка, а глубокий овраг, а вот подъем из него крутой. Этак с часок побегайте по чертовой горе вверх-вниз-вверх, она вам круче Эвереста покажется. А уж когда совсем нет сил бежать, то шагом по ней ходят, только шаг не простой, а «гусиный» – иначе говоря, вприсядку. Вот такое в основном физическое воспитание было. Еще на турнике занимались, на параллельных брусьях болтались, постоянно выполняли самое любимое армейское упражнение: «Упор лежа принять! И на счет раз начали...» Вот и все, собственно. Могучих мускулов я не накачал, зато уже через месяц службы стал «тонкий, звонкий и прозрачный».

За перенесенные муки каждому десантнику прямо с даты принятия присяги бронируется место в раю. Даже песня такая есть:

И воскликнул Господь:
«Дайте ключи!
Отворите ворота в сад.
Я приказ даю
От зари до зари в рай принимать десант»¹³.

Так вот, рай в десанте – это ПДП, парашютно-десантная подготовка. Укладка парашюта перед прыжком – красота; команды понятные, толковые, выполняешь их с полным осознанием их необходимости. Выполнение каждой команды по укладке купола проверяют трижды: командир взвода, заместитель командира роты по ПДП и командир роты. Даже если ошибка вышла у тебя по укладке, поправят. А уж прыжки – это вообще праздник в раю! Думаете, такие мы смелые и отважные и, как в песне поется, «небо нам родимый дом»? Нет, просто многие понятия в армии меняются. Прыжки – это, значит, никаких работ, строевых занятий, вечного «бегом марш» или «упор лежа принять». Ночью – боже упаси, чтобы курка побеспокоили, полноценный сон ровно восемь часов. Перед восходом солнца подъем и плотный завтрак, парашюты со склада получены еще вчера, до утра под охраной дневального ждут в помещении роты. На рассвете – погрузка в комфортабельные автобусы; пока до военного аэродрома едешь – на сиденье, как белый человек, можно и вздремнуть. На летном поле распределили по бортам¹⁴ и потокам. Погрузка в военно-транспортный самолет. Набор высоты. Легкое приятное волнение. Сигнал: «Приготовиться». Встали потоками в затылок друг другу. Открыт десантный люк. Воем в фюзеляже самолета ветер. Пошел! Бегом по салону самолета. Ахнул вниз. В свободном падении считаешь секунды до открытия парашюта: «Пятьсот один, пятьсот два, пятьсот три!» Кольцо! Рвешь кольцо парашюта. Раскрылся купол. Туго натянуты стропы, чуть давит на тело хорошо подогнанная подвесная система. Летишь! Летишь!!! Лепота. Приземлился, погасил купол, отстегнул подвесную систему, собрал парашют в сумку. Все! И пока весь полк не отпрыгал, никто тебя не трогает; лежишь на спине, небом любишься, отдыхаешь. Эй, курсант! А в десанте за прыжки платят. Получи прыжковые три рубля, распишись в ведомости. Иди на эти три рубля купи чего-нибудь вкусенького. Выездной солдатский буфет –

¹³ «Баллада о парашютах», автор стихов и музыки М.Л. Анчаров.

¹⁴ Борт – служебное техническое наименование военно-транспортного самолета.

«булдырь» на жаргоне – уже на поле. Покупай, чего душа изволит, и кушай, родной, отдыхай, сегодня у тебя праздник. Рай! Сравните это с многокилометровым бегом в противогазе да еще с постоянными «вспышка справа!», «вспышка слева!». Вот и понятно будет, почему прыжок с парашютом – это рай для десантника. Тут каждый день прыгать согласишься, невзирая на проценты нераскрывшихся парашютов. Бывает, конечно, что и не раскрываются купола, но редко. Если статистику взять, то больше шансов под машину на улице с оживленным движением угодить, чем разбиться при прыжке в нормальных условиях, на нормальном оборудовании.

Не успел я еще присягу принять, а военную службу уже до доньшка понял. Для солдата что главное? Кто служил, сразу скажет: «сачкануть, пожрать и поспать». Для командира что главное? Заставить солдата работать, кормить в меру; голодный солдат – это злой и инициативный воин, а именно такой Родине и нужен. А спать? Спать, милые, дома будете, если до дембеля доживете.

Военную службу я невзлюбил, и она отвечала мне тем же. Поняв ее до самой сути, стал я вовсю сачковать, думал исключительно о жратве, а не об уставах, старался побольше поспать, умудряясь делать это даже стоя в наряде у тумбочки дневального. В своем соревновании с армией я проявлял и развивал в себе именно те качества, которые мне потом не раз пригодились в Афганистане: решительность, настойчивость, умение маскироваться, вводить противника в заблуждение, готовность любыми мерами обеспечить себя пищевым довольствием. Но в то время солдатом я был еще неопытным. Мою маскировку легко раскрывали, в заблуждение командиров вводить не особенно получалось, вот и огребал я наряды вне очереди и испытывал на себе приемы военного воспитания по полной программе. Но попыток обьегорить своих командиров не оставлял, проявляя похвальную настойчивость. Посему, говорю это без ложного стыда, был я в учебной роте самым хреновым курсантом, а в солдатском ранце носил не маршальский жезл, а прятал украденные на кухне сухари и сахар. Что было, то было.

Летом 1980 года в Москве проходили Олимпийские игры, умер Владимир Высоцкий, несли первые боевые потери наши части в Афгане. В восьмидесятых годах двадцатого века заканчивалась целая эпоха. Эпоха Советского Союза. Она заканчивалась бесконечно длинными очередями и всеобщим дефицитом, больной экономикой, неустанной ложью власти, которой уже никто не верил, кровью наших ребят в Афгане. Одна тысяча девятьсот восьмидесятый год был первым годом этой эпохи, первым шагом на пути в пропасть. Мы будем свидетелями и участниками последних лет этой уходящей эпохи. Это мы будем ее жертвами: предателями, героями или просто дезертирами. Но мы этого не знали, да и не могли знать. Да и что мы вообще могли знать? Тогда, летом восьмидесятого, наша жизнь и мироощущение сузились до казарменных границ, и постоянной военно-матерной музыкой звучало: «Упор лежа принять... Бегом марш... Носочек тянем... Ро-ота! Газы!!!» Окрики и добавления к командам: «под такую вашу мать... вашу мать... вашу мать!»

«...вашу мать...» Под эти слова неслышно, невидимо и пока не ошутимо уходила эпоха и умирала страна, которой мы с оружием в руках присягнули на верность. И которую не смогли защитить и не захотели спасти. Но мы этого еще не знаем; сегодня, здесь, сейчас мы учимся защищать эту страну, мы еще верим, что исполним свой долг. И исполняли его, пока могли...

До сентября служба шла, заполненная хоть какой-то, но все же боевой учебой. Научили стрелять, собирать и разбирать стрелковое оружие, действовать в составе роты, взвода, отделения, малой боевой группы. Преодолевать полосу препятствий, ходить строевым шагом, десантироваться с воздушной и наземной техники. Зазубрили уставы. Мирно дремали на политзанятиях.

А с сентября курсантов стали припахивать на гражданские работы, то есть наша народная армия оказывала бесплатно помощь народу в его труде на благо Родины, но при этом еще и гарантировала этому народу свою защиту. Во как! Другой такой армии в мире не найти! Так нам с гордостью говорили замполиты.

Работы так работы, нам по барабану. Уголек по ночам разгружали, траншеи копали, в колхозах картошку убирали, трудились – пахали вместо боевой учебы. Грех жаловаться, все лучше, чем по тем же полям с оружием бегать. Вот тут-то я и развернулся! Показал, на что способен. Работать не работал, а уж жрал так, что за ушами трещало, и все норовил вздремнуть. Самогоночку дегустировал, сальцом закусывал, на белесых и дебелых литовских девиц засматривался.

Осенью в самом начале октября копаем мы с отделением картошку на народном поле литовского колхоза. Наш командир отделения куда-то ушел, мы свободны. Раз надзора и вечных понуканий нет, то и работы нет. Поле после дождя мокрое, ветер зябкий; я, закутавшись в бушлат, сижу на корточках рядом с оцинкованным ведром, наполовину заполненным перепачканной мелкой картошкой. Маскируюсь, ввожу возможного наблюдателя в заблуждение, пусть думает, что я работаю, а сам в это время предаюсь предосудительной медитации. О доме думать бессмысленно, ни о чем другом думать не хочется. В общем, медитация и есть: мыслей ноль, тело расслаблено, время отсутствует.

Чувствую, как в спину меня деликатно толкнули, не реагирую. Во-первых, лень двигаться; во-вторых, офицер или сержант деликатничать не стал бы и уж двинул бы так двинул; на всех остальных мне в состоянии углубленной медитации, почти в «самадхи»¹⁵, было просто наплевать.

– Солдат? – с какой-то подозрительной неуверенностью спрашивает обошедший меня немолодой седоватый и морщинистый мужчина. Судя по скромной рабочей одежде, акценту и манере поведения, типичный литовский хуторянин. В руке у него топор.

Я мигом вспоминаю все слухи о том, что литовцы до сих пор режут советских солдат, и резво вскакиваю. Бац! Бью хуторянина ногой в пах, он загибается и стонет. Выхватываю у него топор и торжествующе ору:

– Что, съел, сука?! А вот хрен ты десантника за так возьмешь!

– Не брать, не есть! – испуганно кричит хуторянин и закрывает руками лицо.

На мой вопль спешит подмога – это остальные бойцы из нашего взвода по-десантному шустро выскочили из своих сладко-горьких дум и, разбрасывая кирзовыми сапогами черную полевую грязь, бегом спешат на выручку.

– Зачем тебе топор? – сурово допрашиваю я литовца.

– Дрова рубить, – пытается он ввести в заблуждение доморощенного следователя. Ну знаете ли! Я не зря еще до службы прочитал столько детективов, меня не обманешь.

– Я что, так похож на бревно? – с максимальным сарказмом спрашиваю я и грозно взмахиваю трофейным топором.

Подбежавшие товарищи с сильнейшей неприязнью смотрят на поверженного литовца.

Понимаете, мы уже тогда наслушались от литовцев: «оккупанты», «захватчики», «русские свиньи»... Хотя чисто русских у нас было, в общем-то, немного – в основном преобладали украинцы, белорусы, татары и представители многочисленных народов Дагестана, но, слыша слова «русская свинья», каждый понимал, что обращаются лично к нему, и очень сильно, до дрожи в кулаках, обижался на литовских «патриотов». В известном смысле мы тогда все, вне зависимости от национальности, были русскими.

Хуторянин, сраженный моей проницательностью и, вероятно, поставленный в тупик неопределенной формой вопроса, молчал. Мы стали оживленно обмениваться мнениями о том, как лучше поступить – сразу его отмудохать или все-таки подождать командиров. Решили: сразу! Но не до смерти и без видимых повреждений.

Вмешалась баба – и все испортила. Или наоборот? Она, тяжело дыша, прибежала от стоящего рядом небольшого хутора. Плотная, немолодая женщина, с обветренным красноватым

¹⁵ Самадхи – последняя ступень в познании йоги, слияние с Божеством.

лицом, одетая в потертую ватную куртку и обутая в испачканные навозом резиновые сапоги с короткими голенищами. Для начала она быстро вырвала из моих рук топор и сноровисто отвесила мне оглушительную оплеуху. Голова моя с хрустом мотнулась на тонкой шее, а форменная пилотка упала в грязь. Рука у женщины была тяжелая. Потрясенные курки замолчали и расступились. Хуторянин, не торопясь, встал и все молчал. А вот она молчать не стала. Почужеземному из ее уст зазвучали родные русские слова с прибалтийским прибавлением «скас». Пи... скас, х...яускас, еб...ускас. У «проклятых оккупантов» и «русских свиней» даже мысли не возникло заткнуть скандалящей бабе рот; ее не то что не тронули, с ней даже не спорили. Восемнадцатилетние курсанты, почти дети, эти «пи...скас», «х...яускас», «еб...ускас», потупив бесстыжие солдатские глаза, молчали и, не зная, что делать дальше, неловко переминались. Между тем под русскую бодро-матерную музыку в литовском исполнении хуторянин, встав, отряхнулся и медленно, как будто камни изо рта выплевывал, заговорил, а его баба тут же замолчала.

– Я хотел просить вас, – начал объяснять он свой приход с топором, – набрать картофель и принести в мой дом. Пять ведер от одного солдата. Я вас за это угощать. Кормить и поить.

– Что ж ты сразу не сказал? – добродушно спрашивает хуторянина мой сослуживец, здоровенный рыжеватый хохол из Донецка Али Баба. Вообще-то его Грицком звали, Али Баба – это прозвище.

– Я не успел, – кисло морщится хуторянин и рукой потирает мошонку, – ваш друг сразу стал бить.

На свежем холодном воздухе мы успели проголодаться, и жрать хотелось просто невыносимо; вот за кусок свиного литовского сала меня тут же и «предали».

– А он вообще у нас шизанутый, – показал в мою сторону пальцем Али Баба и вежливо переспросил литовца: – Так сколько ведер, ты говоришь, надо собрать?

Работа по уборке народного, тогда еще социалистического картофеля закипела. Минута делов – и очередное ведро общественного добра, собранного с грязного поля, бегом несут голодные курсантики в частный амбар хуторянина. Не по пять, по десять ведер крупной отборной картошки ловко и умело собрали курсанты первого взвода первой образцово-показательной роты.

Пока мы батрачили, хозяйка собрала на стол. Шматы просоленного крупно нарезанного свиного сала на одних тарелках, квашеная капуста на других, здоровенные, с полбуханки, куски черного хлеба аккуратно разложены на дощатом столе, на фаянсовом блюде дымится горячий картофель, плещется в стеклянной банке жирное свежее молоко и апофеоз застолья – трехлитровая бутылка мутного самогона – как ракета стратегического назначения стоит в центре стола.

Руки перед едой мы, конечно, помыли. Кушать старались прилично и аккуратно; не очень-то выходило, но старались. Короче, чавкая, жрали так, что за ушами трещало. На самогон глядели с вожделением и с легкой опаской – пить на службе еще не приходилось. По шариату мне, как мусульманину, за сало и самогон публичная порка плетью положена, по уставу – дисциплинарный арест на гауптвахте, но... Тогда я был комсомольцем и шариат не признавал, а гауптвахты не очень-то и боялся – это раз; выпить очень сильно хотелось – это два. Сало без самогона шло туговато. Хотите бросайте в меня камень, хотите нет, но я первым выпил полстакана мутноватой самогонки, предварив воинское преступление небрежным тостом: «Ну, будем!» Самогон был свекольный, на вкус отвратный, но крепкий. Вкус напитка я поспешно постарался заглушить, закусив бутербродом со свиным шпиком.

Эх, ребята, вот что я вам скажу: «После этого дела одна надежда осталась на милость Всевышнего; может, и простит мне съеденное сало и выпитый самогон, а то точно с гуриями обниматься не придется».

Хотя тогда мне уже стало не до гурий – показалась хозяйская дочка, рослая светловолосая девица. Ну вот все при ней! Алкоголь уже всосался в младую кровь, та бурно закипела, и так,

братцы, захотелось всосаться в спелую девицу, что я громко, без обиняков, заявил хозяину, что не прочь и дезертировать, если он меня в зятя возьмет. Девица, глянув в мою сторону, кокетливо хихикнула, хозяин нахмурился – о таком зяте он и не мечтал. На девицу рывкнула на родном языке ее мамаша, и девушка, не мешкая, ушла в дом, а мне хмурый хозяин еще подлил самогона. Еще через пару минут мне уже не до девиц стало, я стал путано и многословно извиняться перед хуторянином за причиненный его мужскому достоинству вред, а его хозяйку стал попрекать отсутствием советского интернационализма. Ребята за столом угорали от пьяного хохота. Хозяева хмурились все сильнее и сильнее. Что они думали, я не знаю...

Вот так нагло, цинично и грубо нарушил я воинский устав. Так мне, сильно подвыпившему, но твердо стоящему на ногах, объяснил пришедший за нами пьяный в дымину сержант. Попало мне за это, конечно: наряды вне очереди сыпались и сыпались, по шее я тоже огребал неплохо. Но, во-первых, я уже привык, а во-вторых... ну согласитесь, ребята, дело того стоило.

В работе на благо Родины и литовских колхозов незаметно прошел октябрь. Вот и закончилась наша учеба; прощай, Гайджунай, век бы тебя не видеть.

– Добровольцы! Два шага вперед! – скомандовал загорелый, рослый, одетый в непривычную для нас тропическую полевую форму лейтенант. Он приехал за пополнением для славной 103-й Витебской дивизии ВДВ, что первой вошла в Афган, и обводил требовательным взглядом нашу застывшую в строю роту.

Даже если бы я не давал слово своей маме не ходить добровольно в Афганистан, то я бы все равно из строя не вышел. Мне романтики за глаза и в учебке хватило. Искать ее еще, тем более за тридевять земель, я не собирался. Мечтал я о службе тихой и мирной, желательно в каптерке.

Но среди наших курсантов все же добровольцы нашлись – двадцать новоиспеченных сержантов вышли из строя роты. Отобрали лучших.

«Вот и славненько, вот и пронесло, – с циничным непатриотизмом подумал я, – вот и хорошо, что я не из лучших. Без меня Афган обойдется». Всем моим сокурсникам после выпуска повесили по две сопли на погоны. Здравия желаю, товарищи младшие сержанты! Мне единственному в роте присвоили звание ефрейтора. И на этом спасибо, товарищи офицеры! Родные вы мои! По-хорошему-то в дисбат меня надо было отправить.

Со всех рот 301-го ПДП стали формировать сводную команду в количестве ста человек, и вот пока я чего-нибудь опять не отчудил, меня побыстрее запихнули в эту группу, которая первой покидала наш славный учебный полк. Я умудрился за шесть месяцев пребывания в его рядах не бросить пятна на полковое знамя. Впереди ждал Ташкент, где, как нам объяснили, формировалась новая часть. На самом деле нас без всяких там «Добровольцы и комсомолыцы! Шаг вперед!» отправляли в Афган пополнять сильно поредевший личный состав 56-й ОДШБ.

Прощай, Литовская Советская Социалистическая Республика! Прощай, Гайджунай! Прощай, триста первый учебный парашютно-десантный полк! Я уезжаю и уже никогда не вернусь.

Афганистан. Провинция Кундуз – 1980 год от Рождества Христова. 1401 год по Хиджре – мусульманскому летоисчислению

Дорогая мамочка!

Я жив и здоров. После учебки меня направили служить в Афганистан. Мамочка, не бойся и не плачь. Ничего страшного тут нет. За пределы части мы не выходим. А наша служба состоит только в том, что мы занимаемся строительством. Мамочка, если кто-то будет тебе говорить, что тут идет война, не верь, это слухи. Никакой войны тут нет. Афганцы к нам относятся очень хорошо. Климат здесь сухой и жаркий, почти как у нас дома. Снабжение тут просто прекрасное, нормы пищевого довольствия

*увеличены, а нам еще выдают и дополнительный паек. В роте, куда я попал служить, у меня есть двое земляков, которые мне здорово помогают, так что все нормально. Посылок мне не готовь и денег не присылай. Полевая почта посылки в Афганистан не принимает, а наши деньги тут просто не нужны, так как денежное довольствие нам выплачивают в чеках Внешторга. Спешу тебя обрадовать, меня назначили редактором ротной стенгазеты, так что от большинства работ я освобожден. Еще раз прошу тебя, не бойся, все будет хорошо, писать тебе буду часто, как минимум один раз в неделю. Береги свое здоровье и напрасно не волнуйся.
Целую, твой сын.*

Наглый, циничный, «борзый», готовый в любой удобный момент грубо нарушить воинский устав, вот таким я стал. Мечтал не об орденах и медалях, а уж тем более не об оказании интернациональной помощи, нет, мечты у меня были более возвышенные: сачкануть, пожрать и поспать. В учебке из меня выбили дух романтики, зато научили: стрелять; собирать и разбирать стрелковое оружие; действовать в составе роты, взвода, отделения, малой боевой группы; преодолевать полосу препятствий; ходить строевым шагом; десантироваться с воздушной и наземной техники. Таким вот «соколом» я прибыл в славную 56-ю Отдельную десантно-штурмовую бригаду. И сразу пришелся там ко двору, вот такие интернационалисты здесь и требовались.

Выписка из боевого формуляра в/ч 44585

пп.	Время проведения	Привлекаемые подразделения	Район боевых действий	Примечания автора
1.1	12 января 1980 13–14 января 1980	1, 2 ПДБ ввод в ДРА Бригада (без 2-го, 4-го батальонов)	Дислоцирована Пригород города Кундуз. Аэропорт	2 ПДБ при- дали 70 ОМСБ 4 ДШБ до марта 1980 держал гор- ный перевал Саланг

В 1980 году наша бригада дислоцировалась по правую сторону аэродрома города Кундуз; слева стояла 201-я мотострелковая дивизия, в центре располагался аэродром. Аэродром выполнял и военные, и гражданские функции. Использовала его военная авиация в составе: эскадрилья истребителей-бомбардировщиков, так называемая фронтовая авиация, и 181-й отдельный вертолетный полк, ранее дислоцировавшийся в Одессе.

– Молодых пригнали! – услышали мы разноголосый свирепо-радостный вопль. Это было первое приветствие от наших новых сослуживцев. – Парадки¹⁶, знаки, береты, что есть? Давайте, ребята, делитесь, а то у нас нет ни хрена!

Мы прибыли к новому месту службы на транспортных вертолетах, высадились, были приведены к штабу бригады и испуганной отарой сгруппировались возле штабных палаток. Нас почти

¹⁶ Парадки – жаргонное наименование парадного обмундирования.

сразу окружила толпа полуголых, в истерзанном обмундировании загорелых парней. Ноябрь месяц, но так тепло в Литве даже в июле не было.

– Эй! – окликнул меня дочерна загорелый невысокий герой-десантник, одетый в застиранную выцветшую майку-тельняшку, в драных штанах и обутый в потертые рваные кроссовки. Но на запястье левой руки у него красовались хромированные дорогие японские часики.

– У тебя что есть? – весело улыбаясь, спросил он и ощупал взглядом мой пустой РД. Я, сокрушаясь, пожал плечами, а воин чуть повысил голос:

– Да не жмись ты! Вам парадное барахло здесь не понадобится, а до дембеля тебе как до Вашингтона раком...

У меня, кроме надетого на мне х/б, головного убора «пилотки» и потертых кирзовых сапог, не было ничего. В учебке нам перед выпуском, конечно, выдали обмундирование в соответствии с нормами вещевого довольствия, но по дороге в Афган пил я, что называется, беспробудно... Только не думайте, что от страха – нет, исключительно от озорства. Глоток вина или водки был глотком свободы, дерзким вызовом армейским уставам; свободу я любил, а вот армейскую дисциплину – нет. Когда кончились деньги – а войсковое имущество в Чирчике, где мы десять суток ждали отправки в Афган, было расхищено, обменено на вино, пропито, и уже нечего было реквизировать, а пить все еще хотелось, – то многие из нас, а я одним из первых, бросили в решительный бой с алкоголем последний резерв – личное обмундирование. Кроме того, что было на нас надето, все пропили. Да! По дороге в Афган мы поддержали легенду о советском десанте: «Все может быть, все может быть... Но чтоб десантник бросил пить?! Да этого не может быть!!!» В Афган я прибыл гол как сокол. И надо сказать, далеко не один такой был.

Коротко я объяснил ситуацию интернациональному полуголому оборванцу.

– На вас только надежда и была, – с горечью поведал он, тяжело вздохнув. – Вот нам в чем домой ехать на дембель? Видал, как мы одеты? – Он бросил взгляд на свои рваные штаны. – Ладно, прорвемся! Ты сам-то откуда родом?

Я сказал, где такой уродился. Город свой я люблю, им горжусь, но если бы пришлось выбирать, то постарался бы в нем не родиться.

– Земляк!!! – обрадованно заорал мой собеседник и, сильно хлопнув меня по плечу, представился: – Меня Колек Аленин зовут, – и стал расспрашивать.

Нашлись общие знакомые, стали упоминаться родные улицы, винные магазины, пивнушки, танцплощадки.

– Просись к нам в роту, – посоветовал мне земляк.

– Это уж куда пошлют, – с унылым фатализмом ответил я.

– «Куда пошлют»? – насмешливо передразнил меня земляк и сурово сказал: – А если тебя пошлют на х...?! Ты пойдешь?! Сейчас все устрою, а ты, шнурок, учись!

Земляк в рваных штанах подошел к штабному офицеру, что ведал нашим распределением, переговорил с ним, снял и передал ему свои часы. Все, круг моей военной судьбы замкнулся: я попал во вторую роту первого парашютно-десантного батальона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.